

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 6

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 12-го февраля 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: Первые 10 книгъ полн. собр. сочиненій М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . . **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскій линіи. . . **7 р. 25 к.** Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рижельевскал, 12. . . **7 р. 50 к.** Съ достав-кою въ Пе-тербургъ . . . **7 р. 50 к.** Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . . **8 р.** За границу. . . **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всеми приложеніями, —еще ПЕРВЫЯ 20 книгъ соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, приложенныя въ 1904 г.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ СПБ.—9 р.; въ Москвѣ у Н. Печковской—10 р.; 3) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—10 р. 25 к. СЪ ДОСТАВКОЮ въ СПБ.—10 р. 50 к. СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ—11 р. За границу—15 руб.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

XIII.

Диву далась Нина Сергѣевна, когда вернувшійся на другой день Костенька объявилъ ей, что онъ сегодня же вечеромъ выѣзжаетъ въ губернской городъ.

— Это зачѣмъ еще?—почти строго спросила она.

— Нужно!—коротко отвѣтилъ ей сынъ.

— Нужно!—передразнила его Нина Сергѣевна.—Можешь матери-то и пообстоятельнѣе сказать!

Но Константинъ Федоровичъ молчалъ.

— Слышишь ты!—не унималась она.—Я тебя спрашиваю! Съ чего это ты вдругъ выдумалъ? Это еще что за новыя моды?

Нина Сергѣевна отъ злости то блѣднѣла, то краснѣла. Но Костенька былъ спокоенъ и только улыбался. Онъ отдавалъ распоряженія старостѣ, говорилъ Дуняшѣ, что ему въ чемоданъ уложить—и по-всему было замѣтно, что онъ на что-то рѣшился и рѣшился на этотъ разъ твердо.

Но не такова была и Нина Сергѣевна, чтобы уступить сразу. Цѣлый день приставала она къ Константину Федоровичу, чтобы объяснили онъ ей, зачѣмъ онъ собрался. Но тотъ только улыбался, говорилъ, что такъ нужно, да и все тутъ.

— Ну, такъ хорошо же! Я съ тобой сама поѣду!—сказала, наконецъ, Нина Сергѣевна.

— А что-жъ, и отлично! Поѣдте!—посмѣивался Константинъ Федоровичъ.

— Ну, а хозяйство-то какъ мы бросимъ? Вѣдь, теперь самая страда!—говорила она.

Новобранецъ. Картина А. Р. Райлана (собств. «Нивы»), лит. «Нивы».

— Да, дѣйствительно, теперь хозяйство бросать неудобно!

— Такъ какъ же ты ѣдешь-то? — кипятилась Нина Сергѣевна.

— Нужно!

Этого еще никогда не бывало. Костенька бунтовалъ и бунтовалъ открыто.

Нина Сергѣевна ломала себѣ голову, чтобы рѣшить: зачѣмъ это понадобилось вдругъ сынку ея въ городѣ ѣхать? Но отвѣтъ у нея былъ всегда одинъ и тотъ же: «Конечно, жениться. Но на комъ? И вдругъ! Такъ сразу!»

И она подозрѣвала, что тутъ навѣрное замѣшаны эти Тополевы.

«Про какую-то кузину, вишь, толковали, — вспоминала она. — Ужъ не въ городѣ ли тамъ кузина-то эта самая? Ахъ, Боже мой! Боже мой! И послать-то за нимъ приглядѣть некого! Только и остается — самой поѣхать! Ну, а хозяйство-то какъ оставить? — возникалъ сейчасъ же передъ ней и другой вопросъ. — Вѣдь, людишки сейчасъ здѣсь все растащатъ и разворуютъ, и никто не доглядитъ ни за чѣмъ!»

— Костенька! Другъ ты мой милый! — уже ласково обращалась она къ сыну. — Скажи ты мнѣ по правдѣ вещей — зачѣмъ это ѣдешь-то ты?

— Нужно! — былъ категорическій отвѣтъ.

Не легко давалась Константину Федоровичу эта поддержка, но онъ, чтобы подбодрить себя, все время повторялъ:

— «И сидѣлъ Илья сиднемъ тридцать лѣтъ и три года» — и заключалъ все это однимъ короткимъ словомъ:

— Пора!

Строго говоря, онъ и самъ не зналъ: зачѣмъ ѣдетъ въ губернской городъ, потому что о Людмилѣ Полтининою онъ, въ сущности, думалъ очень мало, да и то какъ-то чисто механически. Но чувствовалъ онъ, что ѣхать ему нужно и пора; что ничего ужъ онъ здѣсь больше дѣлать не можетъ, что самые важные вопросы хозяйства для него вдругъ утратили всякій интересъ, и заниматься ими въ прежнемъ порядкѣ онъ совсѣмъ уже не въ состояннн; что все ему не то, что надоѣло, а опротивѣло какъ-то. И если-бъ дѣйствительно онъ былъ увѣренъ, что тутъ безъ него и разворуютъ все, и все прахомъ пойдетъ, то и это не остановило бы его. Теперь все равно и при немъ прахомъ пойти можетъ. Оборвалось въ немъ что-то. Одно онъ понималъ, что нужно ему противъ маменьки взбунтоваться, а для этого въ губернской городъ поѣхать слѣдуетъ.

И сердилась маменька, и плакала, и умоляла его, и грозила ему, но ко всему онъ оставался равнодушнымъ и на все онъ отвѣчалъ только одно:

— Нужно.

Ужасъ обхватывалъ Нину Сергѣевну. Что-то роковое чудилось ей въ этомъ безотвѣтномъ упрямствѣ сына.

Когда прежде, бывало, онъ горячился и кричалъ, и ногами топалъ — этого она не боялась, потому что знала, что погорячится, да утихнетъ. Когда прежде, бывало, онъ плакалъ, умолялъ, на колѣняхъ ползалъ — это ее не трогало, потому что знала она, что пострадаетъ онъ, да и успокоится. Но теперь — не горячится и не плачетъ; не кричитъ и не умоляетъ и совсѣмъ спокойный такой, и твердитъ только одно свое «нужно, да нужно», а зачѣмъ нужно — не говоритъ!

Жутко было Нинѣ Сергѣевнѣ, а главное дѣло, посласть-то за нимъ приглядѣть некого, да и самой отлучиться нельзя.

И прошелъ въ такихъ терзаніяхъ цѣлый день. А вечеромъ къ подъѣзду былъ уже поданъ тарантасъ, запряженный тройкой разгонныхъ, и чемоданъ Константина Федоровича къ задку привязанъ.

— Ну, до свиданья, маменька! — сказалъ Костенька, входя одѣтый уже по дорожному въ столовую, гдѣ сидѣла его мать.

— Да скажи ты мнѣ, по крайней мѣрѣ, надолго ли? — дрожащимъ голосомъ спросила Нина Сергѣевна.

А когда сынъ совершенно спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Право не знаю!

Она не выдержала и зарыдала.

Дрогнуло-было сердце у Константина Федоровича, на-вернулись было слезы и у него на глазахъ, но сейчасъ же зазвучали у него въ головѣ вѣщія слова:

«И сидѣлъ Илья сиднемъ тридцать лѣтъ и три года».

И онъ, хотя и ласково, но совершенно спокойно, сказалъ:

— Ну, полноте, маменька, что тутъ убиваться! Не на вѣки вѣдь! Недѣльки на двѣ, на три, не больше!

И, распростившись съ матерью, потрепавъ по щекамъ «Толстаго духа», онъ быстро вышелъ изъ дому, вскопчилъ въ тарантасъ и какъ-то неестественно-громко крикнулъ Архипу:

— Пошелъ!

Звеня «глухарями» и скрутивъ головы на стороны, понеслись пристяжные, какъ бы увлекая могучаго, гнѣдаго коренника Атамана, не успѣваго еще разойтись какъ слѣдуетъ.

Константинъ Федоровичъ сидѣлъ въ тарантасѣ, глядѣлъ впередъ въ сгущавшіяся сумерки и улыбался.

Если-бъ его сейчасъ спросить: зачѣмъ онъ ѣдетъ въ губернской городъ? Онъ бы и самъ не сумѣлъ отвѣтить.

Жениться? Нѣтъ, потому что въ эту минуту онъ совсѣмъ объ этомъ и не думалъ. Поразвлечься? Тоже нѣтъ, потому что до губернскихъ развлеченій никогда не былъ охотникомъ. Отдохнуть? Но Константинъ Федоровичъ даже и не зналъ, какъ это такъ отдыхаютъ.

— Влюбиться! — сказалъ бы за него докторъ Лыкошинъ.

— И душу себѣ наизнанку вывернуть!

— Просто побунтовать противъ маменьки! — скажемъ мы.

А для Константина Федоровича всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, выражались въ одномъ только словѣ:

— Нужно!

XIV.

Въ губерскомъ городѣ N на соборной площади стоитъ большое, темно-красное зданіе. Это гостиница для пріѣзжающихъ купца Копылова. Называется она «Римъ».

Въ этой гостиницѣ останавливаются потылинскіе, т. е. обитатели Потылинскаго уѣзда, конечно, тѣ, что почище: чиновники повиднѣе, помѣщики покрупнѣе, купцы побогаче.

Въ провинціи это ужъ такъ и заведено: въ одной гостиницѣ останавливается одинъ уѣздъ, въ другой — другой, въ третьей — третій. Землякъ къ земляку жметъся.

Вотъ и Константинъ Федоровичъ Воротниковъ, пріѣхавъ на пароходѣ въ N. рано утромъ, взялъ извозчика и велѣлъ себя везти въ гостиницу «Римъ» Копылова. Къ чести потылинцевъ надо сказать, что они облюбовали для себя самую лучшую гостиницу въ городѣ. «Римъ» славился и чистотой своихъ комнатъ, и хорошей кухней.

Всегда расчетливый и даже скупой, Константинъ Федоровичъ на этотъ разъ занялъ очень хорошій номеръ.

— Кутить, такъ кутить! — повторялъ онъ про себя, все еще не зная, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ N. и что будетъ здѣсь дѣлать. Удралъ отъ маменьки — вотъ и все тутъ.

Въ N. у него жило много знакомыхъ, но только по зимамъ, а на лѣто они переселялись въ свои усадьбы или уѣзжали за границу. Даже N-скій губернаторъ — дальній родственникъ Воротникова — на этотъ разъ былъ въ отпуску. Оставалась въ городѣ изъ дворянства и чиновничества только мелочь, съ которой Воротниковъ хоть и былъ знакомъ, но якшаться не любилъ, да купечество, обладавшее пригородными дачами.

Въ этомъ мірѣ у Воротникова знакомствъ было со-

всѣмъ мало, хотя съ самымъ богатымъ и важнымъ изъ нихъ, Ларіономъ Семеновичемъ Полтининимъ, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Но на этотъ разъ почему-то ѣхать къ нему не рѣшался, хотя въ сущности главной цѣлью пріѣзда его въ N. и было знакомство съ дочерью Полтинина—Людмилой.

Но у себя, въ Воротникахъ, Константинъ Федоровичъ храбрился, а какъ пріѣхалъ въ N., такъ не то что струсилъ, а размышлять началъ:

«Ну, зачѣмъ я буду съ ней знакомиться? Съ какой стати? Да и ловко ли это?»—увивалъ онъ самъ отъ себя.

Весь день пробродилъ по городу Константинъ Федоровичъ. Гулялъ по бульвару, обѣдалъ въ лѣтнемъ ресторанѣ на берегу Волги; встрѣтилъ двухъ-трехъ шапочныхъ знакомыхъ, а когда стало вечерѣть, онъ уже и скучать началъ.

«Куда дѣваться?—размышлялъ онъ самъ съ собой.— Въ клубъ? Но тамъ картежъ...— Константинъ Федоровичъ картъ и въ руки не бралъ.— Въ номеръ гостиницы идти? Скука... Пойду въ театр!»—рѣшилъ онъ.

Весь день, когда онъ гулялъ по городу, ему бросались въ глаза громадныя афиши, извѣщавшія о гастроляхъ петербургскихъ артистовъ. Вотъ онъ и рѣшилъ посмотреть хорошей спектакль.

Представленіе было назначено въ лѣтнемъ театрѣ, выстроенномъ почти на самомъ краю города, и Константинъ Федоровичъ, взявъ извозчика, поѣхалъ туда.

Было еще довольно рано, и публика едва только собиралась. Одинокó бродилъ Константинъ Федоровичъ по театральному садику, выпилъ у фруктового кіоска нѣсколько стакановъ сельтерской воды и нѣсколько разъ принимался перечитывать афишу. Онъ уже почти наизусть выучилъ и имена дѣйствующихъ лицъ, и фамиліи исполнителей. Между этими фамиліями было нѣсколько очень громкихъ, извѣстныхъ на всю Россію, и Константинъ Федоровичъ не безъ любопытства ждалъ посмотреть ихъ на сценѣ. Онъ такъ рѣдко бывалъ въ театрѣ, что никогда не видѣлъ даже этихъ знаменитостей, про которыхъ такъ много слышался и отъ Тополева, и отъ другихъ пріятелей.

Вообще, онъ театръ считалъ пустымъ дѣломъ, на которое люди напрасно тратятъ деньги. Но на этотъ разъ онъ почти всѣмъ не жалѣлъ тѣхъ трехъ рублей, которые заплатилъ за кресло перваго ряда.

«Кутить, такъ кутить!»—подбодрялъ онъ самого себя и минутами даже улыбался, соображая, чтó бы сказала маменька, если-бъ узнала, что онъ будетъ въ театрѣ, да еще въ первомъ ряду.

Начинала собираться публика. Стали попадаться и знакомые. Одинъ изъ нихъ, Петръ Петровичъ Ахмаровъ, вплотную пристегнулся къ Константину Федоровичу.

Этотъ господинъ, какъ говорится, безъ опредѣленныхъ занятій, бывалъ вездѣ, зналъ всѣхъ, но больше всего любилъ богатыхъ людей. А такъ какъ Воротниковъ считался у нихъ въ губерніи однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, то Петръ Петровичъ былъ ужъ, конечно, тутъ какъ тутъ.

Константинъ Федоровичъ его не долюблялъ, но къ немалому своему удивленію, при каждой встрѣчѣ, сужалъ его живообразно деньгами, которыя Ахмаровъ немовѣрно ловко умѣлъ выманивать и еще болѣе ловко никогда не выплачивать.

Но на этотъ разъ Константинъ Федоровичъ обрадовался и Ахмарову. Очень ужъ ему было скучно въ этомъ чужомъ мѣстѣ.

Ахмаровъ, подхвативъ его подъ руку, принялся немолочно разбалтывать ему какія-то губернскія сплетни. Къ счастью, въ это время въ саду заигралъ громогласный военный оркестръ, и Воротниковъ, со спокойной совѣстью, могъ не слушать, чтó болтаетъ ему этотъ губернский паспарту.

Но вотъ раздался звонокъ, и Константинъ Федоровичъ, вмѣстѣ съ остальной публикой, направился въ театръ.

Начался спектакль. Актеры играли. Воротниковъ смотрѣлъ и самъ спрашивалъ себя: «Хорошо они играютъ или нѣтъ?»

Кажется, хорошо, потому что зрительный залъ то и дѣло оглашался звуками рукоплесканій, но, тѣмъ не менѣе, Константину Федоровичу было скучно.

На сценѣ говорили о какихъ-то совершенно неинтересныхъ вещахъ: о выборахъ въ германскій рейхстагъ; о какой-то интригѣ; кто-то кого-то любилъ и этимъ тяготился. Кто-то кого-то въ чемъ-то подозрѣвалъ...

А, между тѣмъ, пьеса носила такое заманчивое названіе: «Да здравствуетъ жизнь!»

Константинъ Федоровичъ сталъ разсѣянно смотрѣть по сторонамъ.

Въ серединѣ перваго акта, въ пустой до того времени литерной ложѣ бенуара, возлѣ которой всѣмъ близко сидѣлъ Константинъ Федоровичъ произошло движеніе. Слышно было, какъ туда вошло нѣсколько человѣкъ, зашуршало женское платье, задвигались стулья. Константинъ Федоровичъ повернулъ голову и... вздрогнулъ.

У самага барьера ложи стояла высокая, очень статная молодая женщина, одѣтая въ лѣтній свѣтлый костюмъ. Она спокойно осматривала партеръ, собираясь сѣсть въ подставляемое ей кѣмъ-то сзади кресло.

Константинъ Федоровичъ сразу, съ перваго же взгляда узналъ ее. Да, несомнѣнно, это была она, т. е. Людмила Полтинина.

Большая, вся гарнированная цвѣтами, лѣтняя шляпа почти не мѣняла ея лица, и оно смотрѣло съ тѣмъ же выраженіемъ спокойнаго задора и вызывающей увѣренности, съ какимъ оно смотрѣло на него съ фотографіи, бывшей у доктора Лыкошина.

А какъ бы въ подтвержденіе того, что это именно она, изъ-за ея плеча вскорѣ выглянуло другое лицо, красное, бородатое, съ лысиной во весь черепъ, давно и хорошо знакомое Воротникову, лицо самого Ларіона Семеновича Полтинина.

Тутъ же въ ложѣ мелькнула и фигурка вездѣсущаго Ахмарова и еще нѣсколько мужскихъ лицъ.

Константинъ Федоровичъ почему-то почувствовалъ, что у него мурашки побѣжали по спинѣ. Онъ отвернулся отъ ложи и сталъ смотрѣть на сцену. Но неудержимая сила тянула его опять и опять взглянуть на эту странную дѣвушку, которая, по выраженію доктора Лыкошина, должна была «вывернуть ему душу наизнанку». И онъ взглядывалъ.

Людмила спокойно, совершенно не замѣчая его, глядѣла на артистовъ. Только изрѣдка ноздри ея немного вздернутаго носика слегка раздувались, да вздрагивалъ крутой, красивый подбородокъ.

«Влюблюсь или не влюблюсь?»—спрашивалъ самъ себя Воротниковъ, то взглядывая на ложу, то переводя глаза на сцену.—Хороша! Даже очень хороша! Но почему же непременно нужно влюбиться? Да и жениться-то на такой страшно. Во-первыхъ, навѣрное и закваска не та, не наша, не дворянская; а во-вторыхъ, ужъ больно ярка она! При этакой рядомъ дѣйствительно тусклымъ покажешься! Правда—приданое...

Но за эту мысль Константинъ Федоровичъ на себя даже сердился и ворчалъ:

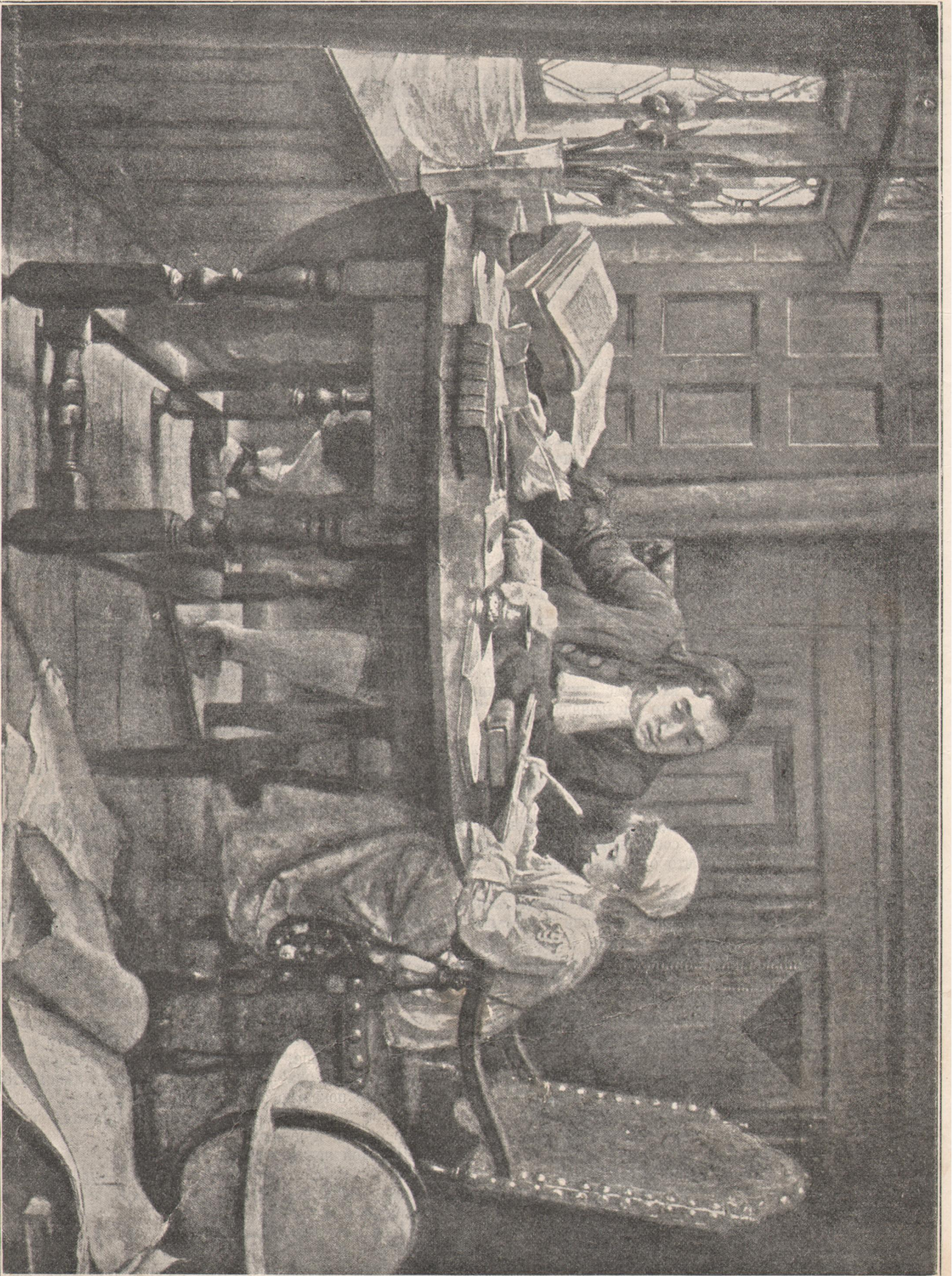
«На кой чортъ мнѣ ея приданое?!»

«А ну, какъ и впрямъ влюблюсь?»—продолжалъ онъ думать, чувствуя, что его все болѣе и болѣе тянетъ посмотреть на ложу.

И онъ какъ-то даже испуганно принимался потирать себѣ колѣни.

А «она» сидѣла, смотрѣла на сцену, и, казалось, ничего болѣе въ мірѣ не существовало для нея въ эту минуту.

Но вотъ кончился первый актъ, опустился занавѣсъ,

Урокъ. Картина М. Димкoff, авт. «Нива».

Въ царствѣ полярной ночи. Картина фонъ-Галера, авт. «Нивы».

и начались вызовы. Артисткѣ, игравшей главную роль, передали изъ оркестра большой и великолѣпный букетъ цвѣтовъ, и та, кланяясь публикѣ, какъ-то особенно признательно взглядывала на логу Полтининныхъ.

Воротниковъ всталъ и началъ пробираться въ садъ.

XV.

— Константинъ Федоровичъ! Константинъ Федоровичъ!—окрикнулъ его кто-то сзади, едва онъ успѣлъ выйти на воздухъ.

Константинъ Федоровичъ оглянулся. Къ нему подходилъ Ларіонъ Семеновичъ Полтининъ, гордо ведя подъ руку свою красавицу-дочь. За ними двигалась цѣлая свита разныхъ знакомыхъ и прихлебателей.

— Вы какимъ образомъ въ наши края? Давно ли изволили пожаловать? Да вотъ, позвольте васъ познать—моя дочь, Людмила Илларионовна,—прохрипѣлъ Ларіонъ Семеновичъ.

Воротниковъ поднялъ шляпу, Людмила протянула ему руку.

Рука Константина Федоровича почему-то дрогнула на ея простое, но довольно крѣпкое пожатіе.

Затѣмъ, поздоровавшись съ самимъ Полтининымъ, Константинъ Федоровичъ пошелъ съ ними по саду, идя рядомъ съ Людмилой.

— По дѣламъ, что ли, али такъ?—спрашивалъ Ларіонъ Семеновичъ.

— По дѣламъ,—почему-то нашель нужнымъ отвѣтить Воротниковъ.

— А надолго-ли?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ на нѣсколько дней.

— Ну, такъ насъ не забудьте. На дачку къ намъ милости просимъ! Да не откладывайте въ долгій ящикъ, а завтра же пожалуйста хлѣба-соли откушать.

— Не знаю... если удастся...—началь-было Воротниковъ.

Но съ нимъ заговорила Людмила.

— Вы знакомы съ Юріемъ Андреевичемъ Лыкошинымъ?—спросила она.

— Какъ же, даже очень.

— Въ такомъ случаѣ, и я васъ знаю. Онъ много мнѣ про васъ рассказывалъ.

— А что же именно? Можно полюбопытствовать?

— Да разное тамъ... Ну, вотъ, напримѣръ, что вы очень богаты, но что у васъ есть маменька. И что вамъ, кажется, жениться нужно... ну, еще что-то такое.

Людмила говорила, какъ-то особенно просто и совершенно не улыбаясь, словно, говоря одно, она думала о другомъ.

Слова ея нѣсколько покоробили Воротникова, и онъ, криво усмѣхнувшись, сказалъ только одно слово:

— Чудакъ!

— Кто это чудакъ-то?—переспросила Людмила.—Лыкошинъ, что-ли?

— Да, онъ. Пьетъ-пьетъ, а потомъ начнетъ разное выдумывать. Онъ мнѣ и про васъ немало наговорилъ.

Воротниковъ ждалъ, что Людмила сейчасъ же спроситъ его: что именно про нее наговорилъ Лыкошинъ, но она какъ будто и не слышала послѣднихъ его словъ, а подумавъ немного, только сказала:

— Нѣтъ, онъ не чудакъ, а пьетъ дѣйствительно много.

— Не правда-ли, Людмила Илларионовна, какъ Васина хороша въ этой роли? Это что-то невѣроятное! Что-то непостижимое! Выше ея игры и представить себѣ ничего нельзя!—восторженнымъ тономъ проговорилъ какой-то, подлетѣвшій къ нимъ маленькій молодой человекъ съ блѣднымъ, и почему-то испуганнымъ лицомъ.

Людмила взглянула на него и улыбнулась, на секунду сверкнувъ бѣлыми, ровными зубами.

— Ну, ужъ вы всегда: «невѣроятно!»—«непостижимо!»—выше нельзя!». Вы незнакомы?—спросила она, переведя глаза съ молодого человека на Воротникова.

Тотъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой.

— Нашъ восторженный поэтъ—Иванъ Васильевичъ Юнашовъ, или по-просту, какъ мы его зовемъ: Юноша,—представила она молодого человека и потомъ назвала Воротникова.

Они пожали другъ другу руки.

Подъ видимымъ спокойствіемъ, съ которымъ старалась себя держать молодая дѣвушка, чувствовалась какая-то скрытая нервность. Казалось, что она чѣмъ-то недовольна, что что-то раздражаетъ ее. Словно ей тѣсно, и она еле сдерживаетъ свои руки отъ широкихъ жестовъ, свой голосъ отъ громкихъ нотъ, какъ будто ей простора не хватало здѣсь, въ этомъ саду, въ этой окружавшей ее толпѣ.

— Это, вѣдь, вашъ букетъ поднесли ей. Чудный букетъ! Какіе цвѣты! И съ какимъ вкусомъ! Я видѣлъ, тамъ еще нѣсколько корзинокъ заготовлено!—продолжалъ тараторить восторженный, но чѣмъ-то вѣчно испуганный поэтъ.

— А вамъ нравится Васина?—спросила Людмила Воротникова.

— Да, да!—наобумъ отвѣтилъ тотъ.—Хотя, вообще, не знатокъ въ этомъ дѣлѣ.

— Ахъ, Боже мой! Ну при чемъ тутъ знаніе. Развѣ тутъ есть что-нибудь специальное?—быстро заворковалъ Юнашовъ.—Сила жизни васъ захватываетъ всего! Вы отдѣляетесь отъ земли! Вы отрѣшаетесь...

— Голубчикъ! Отрѣшитесь-ка и вы отъ вашего восторженного тона!—перебила его Людмила.—А то, право, благодаря этимъ «необычайно» да «чрезвычайно» васъ и не поймешь иногда!

Юнашовъ какъ-то сразу смякъ. Его испуганное выраженіе лица смѣнилось выраженіемъ грустнымъ, почти обиженнымъ. У него хватило только силы тихо прошептать:

— Что-жъ, если я такъ чувствую.

— Мнѣ говорилъ Лыкошинъ, что вы вѣчно сидите въ своей деревнѣ, погружены въ хозяйство, съ головой ушли въ свое дѣло,—обратилась Людмила къ Воротникову, какъ бы и не замѣтивъ огорченія поэта.

Константинъ Федоровичъ что-то невнятно промычалъ ей въ отвѣтъ.

— И я много спорила съ нимъ объ этомъ,—продолжала она.—Я утверждала, что это прекрасно—найти что-нибудь такое, что бы васъ поглотило всего. Подчиниться чему-нибудь, отдаться чему-нибудь одному безраздѣльно! А чему—это все равно, лишь бы оно было настолько сильно, чтобъ властвовать надъ вами.

— Это въ васъ говоритъ избытокъ свободы!—словно про себя прошепталъ Юнашовъ.

— Что такое?—не разслышавъ, переспросила Людмила.

— Я говорю, что вы страшно свободны! Вы ужасно свободны!—опять впадая въ восторженный тонъ, заговорилъ юноша.—Вы свободны, какъ стихія! Вы свободны, какъ сама природа! И вамъ хочется испытать подчиненіе! Вамъ даже рабство кажется заманчивымъ! Это ужъ что-то сладострастное! Въ то время, когда всѣ люди стремятся къ свободѣ, вы! Вы—сама свобода!—готовы отрывать самое себя!

Договоривъ послѣднія слова, онъ вдругъ круто повернулся и быстро пошелъ въ какую-то боковую аллею.

— Какой онъ маленький!—словно свою мысль вслухъ произнесла молодая дѣвушка, глядя вслѣдъ торопливо и смѣшно ушедшему поэту.—Я говорю—ростомъ маленькій,—сейчѣ же поправилась она, взглянувъ на высокаго, осанистаго Воротникова.

— Ростъ—это еще не душа,—сказалъ тотъ, почему-то почувствовавъ вдругъ расположение къ этому обиженному юношѣ.

— Но ростъ помогаетъ душѣ...

— Позвольте!—запротестовалъ вдругъ Константинъ Федоровичъ.—А мало ли было великихъ людей маленькаго роста! Да хоть бы взять Наполеона!

— Великими-то они были, но спокойными—никогда! А въ спокойствіи-то вся и сила,—проговорила Людмила и какъ-то вдругъ вся нервно вздрогнула.—Юркая мысль и величественно-спокойный слонъ!.. Ершь и китъ... Въ природѣ спокойно только большое!—заключила она и опять посмотрѣла на Воротникова и на этотъ разъ какъ-то особенно внимательно.

Ее поразила его несоотвѣтственно маленькая по туловищу голова.

— Константинъ Федоровичъ!—захрипѣлъ опять подошедшій къ нимъ Ларіонъ Семеновичъ Полтининъ, во время ихъ разговора бывшій гдѣ-то въ сторонѣ.—Послѣ спектакля не откажите вмѣстѣ съ нами поужинать!

— Я обыкновенно не уж...—началь-было, какъ всегда, отпѣкиваться Воротниковъ, но вдругъ сразу оборвался и сказалъ:—Съ большимъ удовольствіемъ! Съ большимъ удовольствіемъ!

Но отъ Людмилы не ускользнуло это замѣшательство, и она улыбнулась.

— Здѣсь вы не въ деревнѣ. Можно и измѣнить своимъ обычаямъ,—сказала она и хотѣла-было еще прибавить: «и маменька объ этомъ не узнаетъ», но воздержалась.

Константинъ Федоровичъ, хотя и спорилъ съ нею о высокихъ и маленькихъ людяхъ, и даже доказывалъ ей, что можно быть великимъ человѣкомъ небольшого роста, но въ глубинѣ души былъ польщенъ ея вкусомъ и теперь какъ-то особенно осанисто шелъ рядомъ съ ней. Ему даже хотѣлось возобновить этотъ разговоръ, и онъ было сказалъ, что «конечно, вы правы, что большая физическая сила обуславливаетъ и душевное равновѣсіе», но Людмила, кажется, успѣла забыть ихъ предшествующую бесѣду и отнеслась къ его замѣчанію совершенно равнодушно.

Антрактъ кончился. Прошло второе дѣйствіе, ознаменовавшееся еще большимъ успѣхомъ артистки Васиной и цвѣточными подношеніями. Прошло и третье дѣйствіе, наконецъ, кончился и весь спектакль, и Полтининъ, перегнувшись черезъ барьеръ своей ложи, громко крикнулъ Воротникову:

— Такъ ужинаемъ!

И тотъ утвердительно кивнулъ ему головой.

Ужинъ былъ накрытъ тутъ же, въ саду, въ большой, обвитой хмелемъ бесѣдкѣ. Собралось туда человѣкъ двѣнадцать. Въ числѣ ихъ были и два артиста гастролировавшей труппы; конечно, и поэтъ Юнашовъ, и вездѣ-сущій Ахмаровъ, былъ какой-то молодой купецъ съ молодой и очень хорошенькой женой, все время немилосердно кокетничавшей съ однимъ изъ артистовъ. Былъ молодой купецъ, холостой и изъ «новыхъ», не спускавшій глазъ съ Людмилы и особенно предупредительно относившійся къ Ларіону Семеновичу. Былъ какой-то мѣстный народникъ-литераторъ, усердно налегавшій на водку и на закуску, и не столько на закуску, сколько на водку, и къ половинѣ ужина нагрузившійся до того, что принялся плакать, выражая при этомъ глубокое сожалѣніе, что никто не хочетъ любить русскаго мужика. Былъ какой-то губернской адвокатъ, краснорѣчиво говорившій по каждому данному вопросу и за, и противъ. И чувствовалось, что все это общество собралось здѣсь именно вокругъ Людмилы и ради нея, и всё, за исключеніемъ развѣ женатаго купца да петербургскихъ артистовъ, въ тайникахъ души своей лелѣяли свѣтлыя мечты

о возможности породниться съ почтеннѣйшимъ Ларіономъ Семеновичемъ Полтининымъ.

Впрочемъ, и за петербургскихъ артистовъ поручиться нельзя было. Можетъ-быть, и они охотно бы измѣнили Мельпоменѣ и преклонились передъ Людмилой.

Воротниковъ сначала чувствовалъ себя во всемъ этомъ обществѣ совершенно чужимъ. Непонятные ему разговоры, чуждые для него интересы, странные вкусы—все это казалось ему почти дикимъ, и если бы не Людмила, онъ бы, конечно, безъ оглядки убѣжалъ изъ этого общества. Но сила ея красоты сдѣлала уже свое дѣло и теперь все въ ней нравилось ему.

Прежде съ какимъ онъ, наприимѣръ, искреннимъ ужасомъ говорилъ о женщинахъ, которыя пьютъ крѣпкое вино, а между тѣмъ Людмила, передъ ужиномъ выпила, вмѣстѣ съ молодой купчихой, двѣ рюмки водки, и—ничего! Константинъ Федоровичъ удивлялся только, какъ она красиво это сдѣлала.

А когда, послѣ стерляди, она граціозно протянула къ нему, чтобы чокнуться, свой бокалъ шампанскаго, онъ весь просіялъ и сейчасъ же за первымъ бокаломъ самъ ужъ предложилъ и второй за ея здоровье.

Что могло быть для него непріятнѣе женщины съ папиромъ въ зубахъ! Но когда подали кофе и Людмила закурила соломенную, тоненькую пахитоску, Константинъ Федоровичъ искренно говорилъ, что вотъ этотъ табакъ пахнетъ дѣйствительно ароматно, и сталъ пить кофе... съ коньякомъ.

Къ концу ужина ему сдѣлалось весело, и онъ аплодировалъ поэту Юнашову, прочитавшему нѣсколько стихотвореній; успокаивалъ литератора-народника Кузькина, увѣряя, что всё, всё любятъ русскаго мужика, а онъ, Воротниковъ, даже въ особенности; хвалилъ артистовъ за ихъ высоко-художественную игру; пожималъ руку адвокату, когда тотъ говорилъ «pro», и чуть не расцѣловалъ его, когда онъ заговорилъ «contra».

И все это надѣлала Людмила, ея вызывающіе глаза, ея ярко сверкающіе зубы. И, глядя на нее, онъ понималъ, что тѣсно ей здѣсь, этой дѣвушкѣ, что нужно ей на просторъ, что слѣдуетъ раздвинуть не только стѣны этой бесѣдки, но разметать даже весь городъ, и отдать весь просторъ этотъ ей.

Въ головѣ у него сильно шумѣло, когда онъ, прощаясь послѣ ужина, нѣсколько разъ цѣловалъ руку Людмилы. А на приглашеніе Полтинина пріѣхать къ нимъ завтра обѣдать, говорилъ, что непременно пріѣдетъ, что ему ужасно какъ хочется пріѣхать, что онъ больше всего на свѣтѣ желаетъ попасть къ нимъ на дачу.

А когда стоявшій тутъ рядомъ поэтъ Юнашовъ сказалъ, что на этой дачѣ все «удивительно, превосходно, непостижимо, прекрасно», Константинъ Федоровичъ только рукой махнулъ: «Знаю, молъ, я и самъ уже совершенно такъ же думаю»...

Спалъ онъ эту ночь у себя въ номерѣ, съ открытыми окнами, а во снѣ видѣлъ маменьку. Она шлепала своими козловыми башмаками и все что-то ворчала, и онъ все хотѣлъ отъ нея удрать и дѣлалъ для этого невѣроятныя усилія, чтобы проснуться. А когда ему это удалось во снѣ сдѣлать, онъ попалъ сразу на какой-то безбрежный океанъ, но океанъ этотъ была свобода, а свобода, почему-то, была въ то же время и Людмила.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земныя дороги.

Другъ мой усталый! Не плачь, изнывая
Въ тяжкой и скучной борьбѣ,—
Свѣтлое счастье далекаго рая
Не улыбнется тебѣ.

Смѣхъ и веселье, печаль и тревоги—
Смѣна ничтожныхъ минутъ...
Другъ мой усталый! Земныя дороги
Всѣ только къ смерти ведутъ.

Д. Ратгаузъ.

Въ ожиданіи окладчиковъ. Картина А. С. Хрѣнова, арт. «Нива».

Хрѣновъ

С и л а.

Разсказъ С. Аделунгъ.

— Лена!

Мальчикъ устался въ темноту и молчалъ. Кругомъ царилъ глубокая ночная тишина. Но вотъ, черезъ открытую въ соседнюю комнату дверь раздается сильный храпъ. О, Господи! Если бы можно было хоть немножечко поспать такъ крѣпко! Ваня хотѣлось бы повернуться на другой бокъ; сегодня боли были уже просто нестерпимы. Онъ нѣсколько разъ тщетно пытался сдѣлать это, затѣмъ тяжело вздохнулъ. Ожиданіе становилось для него черезчуръ тяжелымъ, и нѣсколько минутъ спустя онъ снова позвалъ:

— Лена! — но въ голосъ его уже нетерпѣние спорило съ возбужденіемъ.

На этотъ разъ онъ позвалъ не напрасно. Раздался еще одинъ храпъ, затѣмъ борющійся со сномъ голосъ:

— Сейчасъ иду, милый Ванечка, сейчасъ, голубчикъ мой! — послѣ чего послышались довольно тяжелые шаги пары босыхъ ногъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Лена сидѣла, прикурнувъ, у печки въ комнатѣ больного, теперь уже освѣщенной слабымъ свѣтомъ матовой лампочки, и вскорѣ, весело треща и разбрасывая по сторонамъ искры, загорѣлись въ печкѣ дрова. Это была настоящая комната больного, безъ лишней роскоши и комфорта, но снабженная всѣмъ необходимымъ, а главное — хорошо провѣтрена.

— Теперь тебѣ удобнѣ лежать, Ванечка? — Лена съ любовью наклонилась надъ больнымъ мальчикомъ и отстранила волосы съ его влажнаго лобика. — Сейчасъ я приготовлю тебѣ чашечку чаю, вѣдь послѣ него тебѣ всегда бываетъ лучше, не такъ ли?

Мальчикъ пристально и мечтательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ она зажигала стоящую на столикѣ спиртовую лампочку, заварила и налила въ чашку чаю. Затѣмъ она сѣла къ его постели, чтобы держать блюдечко, пока онъ будетъ пить.

— А знаешь, Лена, вѣдь мнѣ хорошо, — сказалъ онъ задумчиво. Свѣтъ матовой лампы падалъ на красивое, умное личико мальчика. — Не правда ли, мнѣ хорошо? — повторилъ онъ нѣсколько нетерпѣливо, такъ какъ Лена не находила отвѣта.

Какъ можетъ быть хорошо, ему, маленькому страдальцу, которому мучительныя боли не даютъ ни минуты покоя, ни днемъ, ни ночью? Взоръ ея скользнулъ по его худенькой фигуркѣ, и она сказала только:

— Пей, милый Ванюша, пей, милый, а то чай остынетъ, да скушай вотъ сухарикъ.

Ваня слабо кивнулъ головою и взялъ сухарикъ своими тонкими, блѣдными пальчиками.

— Какой вкусный! — сказалъ онъ. — Знаешь, мнѣ кажется, я уже потолстѣлъ отъ частой ѣды. Посмотри сама! — и большимъ и указательнымъ пальцами онъ охватилъ кисть своей худенькой руки.

— Потолстѣлъ! — мягко улыбнулась Лена. — Одна кожа да косточки, тебѣ нужно ѣсть совсѣмъ не такъ, если ты хочешь потолстѣть какъ слѣдуетъ.

Мальчикъ пилъ чай медленно, съ наслажденіемъ. Лена смотрѣла на него съ удовольствіемъ. Это была рослая, коренастая женщина, какъ бы созданная для ухода за больными. Бывшая служанка родителей Вани, она, послѣ ихъ смерти, осталась единственной опорой осиротѣвшаго мальчика. Умирая, родители препоручили его ей всецѣло, они знали, что болѣе преданной воспитательницы не найти для него. Лена была ими пожизненно обезпечена и въ деньгахъ недостатка не знала. Докторъ, въ то же время и опекунъ мальчика, навѣщалъ его ежедневно, затѣмъ при немъ была еще французенка-учительница, чтобы читать съ нимъ и — въ дни, когда онъ себя чувствовалъ сравнительно хорошо, — учить его научнымъ предметамъ. Но болѣе всѣхъ Ваня, конечно, любилъ свою Лену. Она была для него все. Лена замѣняла ему мать, отца, сестеръ и братьевъ, и онъ слѣпо довѣрялъ ей всѣ побужденія своей дѣтски чистой, невинной души.

Тѣмъ временемъ мысли Вани успѣли перейти на другое, и его выразительное личико доказывало, насколько это другое его занимало.

— Лена.

Лена звѣнула, затѣмъ съ любовью взглянула на своего воспитанника.

— Что, Ванюша, что?

— Ты думаешь — онъ завтра опять пройдетъ здѣсь?

— Кто? — Ленѣ пришлось подавить новый зѣвокъ, а Ваня смотритъ на нее съ широко открытыми глазами. — Ты говоришь про доктора? Вѣдь онъ приходитъ къ тебѣ ежедневно. Развѣ тебѣ не хорошо, Ванечка?

— Ахъ, нѣтъ, ты отлично знаешь, о комъ я говорю — это тотъ большой школьникъ.

— Школьникъ? Да, но какъ же я могла знать это или дога-

даться? Думаю, что онъ долженъ пройти здѣсь. Вѣдь онъ переѣхалъ въ соседній домъ. Ему обязательно нужно каждый день проходить здѣсь, когда онъ отправляется въ школу.

Проходить здѣсь каждый день! Какая великодушная перспектива! У Вани заблестѣли глаза отъ возбужденія и радости. Онъ хотѣлъ немного приподняться, но со стономъ опустился обратно на подушки.

— Вотъ видишь, Ванюша, тебѣ не надо такъ волноваться! Это уже слишкомъ для моего слабенькаго мальчика. Дай я тебя возьму на ручки, — вотъ такъ. Это тебя всегда успокаиваетъ. А вотъ — еще лучше! Спою тебѣ нашъ любимый псаломъ. Можетъ-быть, ты, Богъ дастъ, уснешь немного.

Она нѣжно прижала его къ мощной груди своей и нѣсколько монотоннымъ, но торжественно звучащимъ голосомъ запѣла псаломъ: «Богъ нашъ оплотъ и сила, наша помощь въ великихъ испытаніяхъ, ниспосылаемыхъ намъ Всевышнимъ...»

Она не успѣла даже пропѣть и половины псалма, какъ мальчикъ дѣйствительно заснулъ. Она тихонечко уложила его на подушки, тщательно укутала его одеяломъ и неслышными шагами пошла собирать со стола чайную посуду. Затѣмъ еще разъ подошла къ его постели, долго смотрѣла на него и въ душѣ ея поднялась невыразимая жалость, граничащая съ физической болью.

— Боже Ты мой! Творецъ Небесный! — проговорила она, невольно сложивъ руки. — Ты, конечно, вѣдаешь, что творишь... Но это жестоко, это жестоко, и силъ моихъ не хватаетъ, чтобы смотрѣть на такое мученіе!

Она тихо вынесла изъ комнаты лампу, погасила ее и безшумно легла въ постель.

На слѣдующій день была прекрасная осенняя погода, и Лена выкатила Ваню на креслѣ въ садъ, чтобы онъ могъ видѣть лицо и все, что на ней дѣлалось. Въ это время въ тихомъ преддѣлѣ царилъ особенное оживленіе. Проходившая здѣсь мимо школьная молодежь весело болтала и смѣялась, обгоняла другъ друга и затѣвала возно, оглашая при этомъ воздухъ своими громкими, веселыми криками.

Ваня всегда слѣдилъ за мальчуганами съ живѣйшимъ интересомъ. Онъ, не имѣвшій ни друга, ни товарища, всей душой завидовалъ этимъ здоровымъ, сильнымъ — главное сильнымъ — самоувѣреннымъ школьникамъ, восхищался ихъ ловкостью и не уставалъ провожать ихъ глазами, думалъ и размышлялъ о ихъ жизни, представляя себѣ ее усѣянною одними свѣтлыми радостями. Ахъ, хоть разъ, хоть одинъ единственный разъ только удобиться имъ, далеко отбросить отъ себя ненавистныя повязки, крѣпко, изо всѣхъ силъ сжать кулаки, бороться, возиться, бѣгать взапуски, неистовствовать, кричать!..

Но вотъ, наконецъ, и тотъ, чьего появленія онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Здоровякъ, крѣпшій, съ остриженными подъ гребенку бѣлокурными волосами, веселыми, бойкими глазами, такъ и пышавшій здоровьемъ и жизнерадостностью.

Затаивъ дыханіе, слѣдитъ Ваня за всѣми его движеніями. Вотъ онъ засунулъ пальцы въ ремни своего ранца, чтобы немного ослабить ихъ. Вотъ онъ далъ ловкаго подзатыльника шедшему впереди него товарищу, затѣмъ, скрестивъ на груди руки, всталъ въ оборонительную позу, съ невозмутимымъ спокойствіемъ выжидая нападенія товарища, который, прискакивая на одной ногѣ и также скрестивъ на груди руки, устремляется на него впередъ головою, но не только не спшибаетъ его съ ногъ, а даже не заставляеть его пошатнуться. Дѣйствительно, этотъ мальчикъ настоящий богатырь.

Лена, также наблюдавшая за этой сценой, подошла къ самой рѣшеткѣ сада.

— Не хочешь ли ты зайти на минутку къ моему Ванюшѣ, мальчикъ? — спросила она школьника, вызвавшего также и ея восхищеніе. — Ванюша будетъ очень радъ, зайдя, пожалуйста.

Мальчикъ сначала удивился, нерѣшительно посмотрѣлъ на товарища, затѣмъ, все-таки, вошелъ въ садъ. Съ перваго взгляда ему показалось, что его ведутъ къ больной дѣвчкѣ, потому что лицо больного было ужасно блѣдно, а разметавшіяся по подушкѣ локоны густыхъ темныхъ волосъ были черезчуръ длинны. Да и самая рука, протянувшаяся ему навстрѣчу, тонкая, нѣжная, съ синими жилочками, развѣ это не рука дѣвочки?

Съ минуту оба мальчика смотрѣли другъ на друга молча: Ваня — съ невольною завистью, но и съ восхищеніемъ; а тотъ — съ чувствомъ не то жалости, не то ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ, болѣею частью овладѣвающимъ здоровыми, дѣтскими натурами при встрѣчѣ съ хилыми и болѣзненными дѣтми.

— Ты, должно-быть... ты, вѣрно, былъ очень боленъ? — спросилъ онъ, наконецъ, хриплымъ голосомъ, которому тщетно старался придать мягкость.

— Да, я давно, давно боленъ, — возразилъ Ваня, съ нѣкоторою

важностью въ тонѣ, свойственной преждевременно умственно развитымъ дѣтямъ.

Гость началъ безпомощно оглядываться. Ему, очевидно, было далеко не по себѣ. Но уйти было невозможно. У калитки все еще стояла Лена, а больная дѣвочка,—да, вѣдь это мальчикъ!—смотрѣла на него, какъ будто хотѣла насильно удержать его взоромъ. Онъ рѣшилъ еще остаться на минуту, но только на одну минуту.

— Да. Чтобы ходить въ школу и прыгать. Вани покачалъ головою. Онъ оглянулся на Лену, но та, вѣроятно, ушла въ домъ.

— Нѣтъ, не думаю, — возразилъ онъ медленно. — А въ школу мнѣ никогда ходить не придется. Я, вѣрно, скоро умру.

Это было уже Павлику невмоготу. Онъ покраснѣлъ и въ смущеніи опустил глаза.

— Ой! Что ты, прощай! — сказалъ онъ внезапно и въ ту же

Матросы—георгиевскіе кавалеры эстляндскомъ отрядѣ Краснаго 26-

Студ. московск. универс. А. Н. Пашинъ, сестры милосердія: А. С. Грибановская, Н. С. Ставровская, А. Н. Бахтина; женщина-врачъ, хирургъ княжна В. И. Гедройцъ, сестры милосердія: Е. Ю. Рейдликъ, Е. В. Осовецкая; уполномоч. дворянства Н. С. Хрипуновъ, сестры милосердія: А. Ф. Кардашева, Л. В. Розенплентеръ; медиц. фельдшеръ Н. М. Марковъ; д-ръ Н. С. Щелканъ, бывш. ордин. клиники московск. унив., сестра Л. Д. Пономарева, главн. врачъ Ф. Д. Фетисовъ и ротный фельдшеръ Сечеткинъ.

Дворянскій передовой госпиталь (изъ Москвы) въ Тавагузѣ. Во время мунденскихъ боевъ ежедневно проходило черезъ госпиталь до 400 человекъ. По фот. пор. В. Р. Алухтина, авт. «Нивы».

Николаевъ, Мартинишинъ, Колесникъ-Скабицкій, Хабаровъ, Нотовскій, Рѣдкинъ, Дмитріевъ, Приходченко, Ивашинъ, Надужъ, Ганчинскій, Котовъ, Бакулинъ, М. Семеновъ и Семаковъ. Лазаретъ Императрицы Александры Феодоровны въ Мукденѣ. По фот. авт. «Нивы».

— Меня зовутъ Ваней,—сказалъ больной:—и мнѣ скоро исполнится десять лѣтъ, а тебя?
— Павликомъ, и мнѣ тоже скоро будетъ десять.
— Да?—Темы для разговора, какъ будто, истощились. Однако, Павликъ чувствовалъ, что такъ уйти неудобно, что нужно сказать что-нибудь любезное, пріятное, поэтому спросилъ:—Ты скоро поправишься?
— Я?

минуту былъ уже на улицѣ и кинулся къ товарищамъ, а Ваня слѣдилъ за нимъ печальными, влажными глазами. Не сказалъ ли онъ чего-нибудь обиднаго? Зачѣмъ Павликъ убѣжалъ такъ внезапно?
На слѣдующій день Павликъ уже не прошелъ мимо калитки сада, и жадные взоры Вани могли видѣть его только издали.
Но однажды Ленѣ, все-таки, удалось перехватить его, когда онъ собирался перебѣжать улицу. Онъ былъ одѣтъ индѣйцемъ и

Георгиевскіе кавалеры—„батареицы“ (какъ зовутъ артилл. артиллерійской бригады. Съ апрѣля прошлаго года на долю ея выпала тяжелая работа въ бояхъ у Ляндыса. Фейерверкеры и наводчики большинство, будучи тяжело ранеными; батарейный командиръ не надѣялся и выписался изъ госпиталя и вернулся въ родную

довольно забавень съ виду. Желаніе показаться передь Ваней во всемъ своемъ величїи взяло верхъ. На улицъ было довольно свѣжо, и Ваня лежалъ въ своей комнатѣ, закутанный въ одѣяла и пледы. Увидѣвъ своего новаго прїятеля, онъ весь засіялъ отъ радости.

— Ахъ, какой ты красивый!—воскликнулъ онъ, съ трудомъ приподнявшись съ подушки: —какой славный уборъ, да и тамагаукъ есть! Ты, вѣрно, предводитель племени Сіу, не такъ ли?

противъ сипаевъ, и мы побѣждаемъ врага... У меня такая славная маленькая лошадка, ее зовутъ «Минехаха», а иногда и «Смѣющаяся вода» потому, что она ржетъ такъ весело, какъ свергающийся съ утеса ручеекъ. И разъ... —голосъ у Вани отъ возбужденія даже прервался,—разъ и даже снялъ скальп!... Но это было отвратительно!

Павликъ смотрѣлъ на Ваню съ возрастающимъ уваженіемъ. — Этого я еще никогда не дѣлалъ,—сказалъ онъ задумчиво.—

съ крейсеровъ „Громобоя“ и „Россїи“,—въ Креста въ день празднованія св. Георгїа 10 ноября п. г.

Добровольный отрядъ сестеръ милосердія Надеждинской тифлисской общины, отправившейся на Дальній Востокъ.

По фот. В. А. Михайлова въ Тифлисѣ, авт.: «Нивы».

иллеристовъ наши солдаты) 4-й батареи 3-й вост.-сиб. года батарея находится въ составѣ восточнаго отряда. саня, подъ Ляояномъ и Мукденомъ. Изъ этихъ молодыхъ анеными, оставались на батарее, двое выбыло изъ строя ихъ видѣть, но лишь только раны стали заживать, они батарею. По фот. пор. В. Р. Апухтина, авт.: «Нивы».

— Вотъ взгляни туда, на эту полку книгъ. Все это рассказы изъ жизни индѣйцевъ. Я ужасно люблю ихъ и—знаешь ли?—когда у меня лихорадка, я въ бреду бываю вездѣ, дѣлаю все, что захочу.

— Не знаю, у меня еще никогда не было лихорадки.

— А у меня часто!—Ванѣ это казалось особеннымъ преимуществомъ и отчасти равняло его съ товарищемъ. — Въ лихорадкѣ я всегда вижу себя индѣйцемъ и скачу впереди своего племени

Группа нашихъ раненыхъ военнопленныхъ въ г. Стимеди (Японія), изучающихъ англійскій языкъ подъ руководствомъ военнаго переводчика Исао Окура. По фот. авт.: «Нивы».

— Разумѣется, я предводитель Сіу. А ты развѣ знаешь что-нибудь про индѣйцевъ?

Когда мы играемъ, это, конечно, случалось, но взаправду—никогда. И ты, на самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ это?

— Въ бреду, понятно, сдѣлалъ. Но, не напоминай мнѣ объ этомъ!.. Говорю тебѣ, это отвратительно! Впрочемъ, я очень люблю свои лихорадочные сны... потому что всегда вижу себя здоровымъ, взрослымъ и сильнымъ-пресильнымъ... Я тогда могу сдѣлать все, что захочу.

Павликъ протянулъ руку.

— У меня уже теперь много силы, какъ у атлета, говоритъ папа. Мы всегда съ нимъ боремся, и онъ сказалъ, что черезъ три-четыре года я буду такъ же силенъ, какъ онъ, и даже могу побѣдить его.

— О! — произнес только Ваня, но в этом «о» заключался целый мир восхищения и уважения.

— Хочешь ты когда-нибудь побороться со мной, — продолжал Павлик.

Вместо ответа Ваня, в свою очередь, протянул ему свою руку, такую тощую, сухую, какую Павлику, вбродно, еще никогда не приходилось видеть.

— Нить, это невозможно! Мои руки слишком слабы, я силен только во снѣ. Зато на небѣ я буду так же силен, как и всѣ, и, можетъ-быть, сильнѣе всѣхъ. Это говоритъ Лена, и, я думаю, она права. Кто такъ много хвораетъ и страдаетъ на землѣ, тотъ, навѣрное, на небѣ будетъ всегда здоровъ и силенъ. Я буду очень радъ, если скоро туда отправлюсь, потому что ничего себѣ не желаю такъ, какъ силы.

Вотъ они опять добрались до щекотливой темы. Но ударъ изъ комнаты было гораздо труднѣе, нежели изъ сада. Павлик началъ осматриваться кругомъ, и взоръ его остановился на полкѣ съ книгами.

— Однако, все читать и читать, должно-быть, ужасно скучно, — замѣтилъ онъ, довольный, что нашелъ другую тему для разговора.

— Я читаю не постоянно, мнѣ приходится и учиться часа два въ день, иногда и три, когда я чувствую себя хорошо. Я занимаюсь съ мадемуазель. Но она ужасно много знаетъ, — прибавилъ онъ, подумавъ, что его сильный товарищ отнесется къ преподаванію мадемуазель съ презрѣніемъ. — Математика у нея главное. да и у меня также, — прибавилъ онъ съ скромною гордостью. — А у тебя?

— Терпѣть ее не могу! — Павлик заволновался, вспомнивъ не одинъ ясный солнечный часъ, проведенный имъ послѣ классовъ въ школѣ въ наказаніе за плохо рѣшенную или совсѣмъ не рѣшенную задачу. — Это препротивный предметъ!

— Очень жаль, что тебѣ такъ кажется, — замѣтилъ Ваня, и сожалѣніе это было принято Павликомъ за укоръ. — Я учусь очень охотно, но, къ сожалѣнію, мнѣ это не всегда возможно, потому что мени иногда очень сильно мучаютъ боли. И тогда день мнѣ кажется ужасно длиннымъ, а ночь еще длиннѣе...

— Но что же ты тогда дѣлаешь, разъ ты не можешь ни ходить, ни прыгать?

— Ничего. Я думаю. Думать можно во всякое время, если только боли не слишкомъ мучительны, и ждать, пока онѣ сдѣлаются немного легче. Знаешь ли, мой опекунъ-докторъ говоритъ, что ожиданіе также своего рода дѣло, — прибавилъ онъ, съ умоляющимъ взглядомъ, ясно говорившимъ: «да скажи же и ты, что это также своего рода дѣло!»

Но Павлик молчалъ. Да и что могъ сказать онъ на это? Онъ только смотрѣлъ на Ваню широко открытыми глазами. Казалось, что въ его дѣтской душѣ возникаетъ новое, еще неиспытанное имъ сочувствіе къ страданіямъ постороннихъ.

— О, какой ты! — сказалъ онъ, наконецъ, не безъ большого усилія.

Но Ваня понялъ это совершенно правильно. Онъ видѣлъ въ этихъ словахъ и сочувствіе, пониманіе и даже отчасти выраженіе любви къ себѣ — и это дѣлало его невыразимо счастливымъ.

— Если бы ты иногда, знаешь, иногда, хоть ненадолго заходилъ ко мнѣ, то день казался бы мнѣ не такимъ долгимъ, — робко попросилъ онъ Павлика, и тотъ не могъ отказать ему, а обѣщалъ заходить.

И онъ сдержалъ слово. Мало того, онъ даже удивлялся, до чего охотно сталъ заходить къ бѣдному, больному мальчику.

И какъ сильно онъ былъ огорченъ, когда однажды, въ субботу, послѣ обѣда, Лена встрѣтила его со словами: «Сегодня тебѣ нельзя войти къ Ванечкѣ. Онъ слишкомъ боленъ». И это продолжалось довольно долго, пока, наконецъ, Павлику надоѣло напрасно навѣщать больного друга. Но онъ не забывалъ его и все-таки заходилъ справляться объ его здоровьѣ, и однажды, когда онъ уже болѣе не надѣялся, что его выпустятъ, Лена сказала ему: «Сегодня ты можешь войти, но оставайся не долго. слышишь? Ванечка очень слабъ».

Мальчикъ нерѣшительно вошелъ. Рука, которая протянулась къ нему навстрѣчу, показалась Павлику еще меньше, еще тоньше обыкновеннаго, и глаза, засвѣтившіяся при его появленіи, еще больше и темнѣе.

— Что это ты вздумалъ творить за штуки, Ваня?

— Да, не правда ли, это глупо?

Голосъ Вани былъ такъ слабъ, что Павликъ невольно также заговорилъ тише.

— Такъ ты никогда не поправишься.

— Нѣтъ, никогда.

Наступило недолгое молчаніе, затѣмъ Павликъ началъ рассказывать Ванѣ о томъ, что творится въ школѣ и о совершенной всѣмъ классомъ побѣдѣ за городъ. Рассказывая, онъ смѣялся, и Ваня смѣялся также. Но по временамъ Павлику казалось, какъ будто что-то сжимаетъ ему горло, что онъ готовъ громко разрыдаться.

Тутъ онъ увидѣлъ въ дверяхъ Лену, дѣлавшую ему знаки, чтобы онъ не слишкомъ утомлять Ваню. Да, дѣйствительно, у него былъ видъ ужасно утомленный, вокругъ глазъ большіе темные круги, но мальчикъ силился владѣть собою, чтобы показать другу, какъ доволенъ, какъ онъ счастливъ его присутствіемъ.

— Ахъ, оставайся еще немного, — сказали онъ, ища руки Павлика. — Я отлично могу тебя слушать, и мнѣ кажется, что и я принималъ участіе въ вашемъ веселіи.

Между тѣмъ, лицо его приняло земляной оттѣнокъ, а рука, которую Павликъ держалъ въ своей, стала холодна и влажна.

Лена снова дѣлала ему знаки.

— Я скоро зайду опять, даже очень скоро, — сказалъ Павлик: — хочешь? И тогда я принесу тебѣ показать новый самострѣль, который я самъ выточилъ, помнишь тотъ, про который я тебѣ рассказывалъ?

Затѣмъ, когда слабая рука, какъ будто, не хотѣла выпустить его пальцевъ, имъ овладѣла безмѣрная жалость. Онъ быстро наклонился къ Ванѣ и шепнулъ ему:

— Все-таки, ты настоящій молодецъ! — до боли сжалъ ему руку и быстро-быстро выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ эту ночь Ваня почувствовалъ страшную слабость. Онъ сплѣлъ на постели, опираясь на сильныя руки Лены, и каждый вздохъ его наболѣвшей груди причинялъ ему неимоверныя страданія. Но при всемъ томъ, на душѣ его было весело и радостно, въ ней то и дѣло возникало блаженное ликованіе и еще нѣчто, святое, великое, что ему надлежало скрывать въ самой глубинѣ своего сердца, какъ тайну: «Онъ назвалъ меня настоящимъ молодецъ — меня! меня!» — Даже Ленѣ онъ не рѣшился повѣдать этого.

Лена думала, что любимецъ ея не доживетъ до утра. Но когда явился докторъ, боли уже прекратились, оставивъ за собой только сильную слабость.

— Мнѣ хорошо!.. Даже совсѣмъ хорошо, — шепталъ онъ каждый разъ, когда его спрашивали, какъ онъ себя чувствуетъ.

И, дѣйствительно, можетъ-быть, онъ никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо: казалось, невидимая рука отняла отъ него всѣ боли, освободивъ его отъ всего тяжелаго, мучительнаго, — такъ легко ему было, такъ весело на душѣ. Ему казалось, что онъ способенъ летать по воздуху.

Два дня спустя — это было уже подъ утро — Лена уже болѣе не ложила, она приготовляла своему любимцу чай и давала его ему по ложечкѣ. Ваня лежалъ совершенно спокойно, и глаза его были устремлены на слабый свѣтъ ночника, отражавшійся на чашкахъ и кувшинахъ, стоявшихъ на умывальномъ столѣ. Въ комнатѣ было совершенно тихо, слышно было только тиканье часовъ. Вдругъ Ваня быстро поднялся, черты его озарились необычайною, блаженною радостью, глаза широко открылись и съ напряженіемъ уставились въ уголокъ, какъ будто видѣли тамъ что-то чудесное. Онъ даже протянулъ обѣ руки.

— Вотъ она — идетъ — сила! — сорвалось съ его блѣдныхъ губъ...

Затѣмъ онъ въ изнеможеніи упалъ на подушки и лежалъ блѣдный, но совершенно спокойный, съ закрытыми глазами, поддерживаемый руками Лены, какъ будто уже жизнь отъ него отлетѣла...

Ленѣ стало жутко. Ея душу охватила безмѣрная, невыносимая боль.

— Ванюша, — спросила она со страхомъ. — Ты, ты не спишь?

Онъ широко открылъ глаза. Его взглядъ искалъ ея взора и все съ той же странной, загадочной улыбкой.

— Ванечка, не пропѣть ли тебѣ любимый псаломъ нашъ?

Онъ тихоно силился кивнуть головою. Но къ чему? Развѣ она и безъ того не угадываетъ всѣ его желанія? И торжественно, и изрѣдка прерываемый душившими ее слезами, раздался ея голосъ въ утренней тиши:

— «Богъ нашъ оплотъ и сила...»

На улицѣ сумерки начали уступать мѣсто розоватому разсвѣту. Въ это время Лена почувствовала, что слабѣе тѣлце на рукахъ ея вздрогнуло, затрепетало... затѣмъ вытянулось...

А на улицѣ побѣдоносно всходило солнце во всей красѣ своей молодой силы...

Мракъ въ душѣ моей. Мракъ вокругъ меня,
И не видѣть мнѣ золотого дня.
И не встрѣтить мнѣ зари рдѣющей,
Яркимъ заревомъ пламенѣющей.

Средь унынія и смятенія
Пронесутся сны и видѣнія,

Сны тревожныя, грѣзы странныя —
Непонятныя и туманныя.

Несвободная, одинокая —
Не уснетъ душа въ тѣмѣ безстрастія:
Будетъ жизнь манить, пусть далекая,
Мраккомъ бѣдствія, свѣтомъ счастья.

Входъ въ храмъ Будды.

Религіозныя вѣрованія японцевъ и китайцевъ.

(Съ 10 рис. на стр. 113, 114 и 115).

Коренные жители Дальняго Востока—китайцы и японцы—въ религіозномъ отношеніи стоятъ на очень низкой ступени. Такой цивилизованный въ европейскомъ смыслѣ народъ, какъ, напримеръ, японцы, имѣть несравненно менѣе развитыя религіозныя вѣрованія, чѣмъ какіе-нибудь некультурные и бѣдные послѣдователи Магомета въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и Азии.

Чѣмъ это объясняется—особо ли склонностью ихъ азиатскаго ума, не желающаго отвлекаться въ сверхъ-чувственные сферы и вникающаго лишь въ узко-реальныя, житейскія отношенія, или чѣмъ-либо инымъ—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ приходится констатировать, что въ Китаѣ и Японіи религія не захватываетъ глубины народнаго чувства, не проникаетъ народъ, но лишь слегка касается его души. Огромное большинство нашихъ соотечественниковъ на Дальнемъ Востокѣ совершенно индифферентны къ дѣламъ вѣры, а сами религіозныя вѣрованія ихъ крайне примитивны и дѣтски-наивны.

Обратимся, напримеръ, къ Японіи. Во что молятся и вѣруетъ эта страна?

Въ Японіи въ настоящее время господствуютъ дѣльных три религіи: три религіозныя сферы, изъ которыхъ, однако, ни одна не захватываетъ собою народной души... На первомъ планѣ стоитъ древняя религія «шинто» (культъ боговъ, героевъ и предковъ). За нею слѣдуютъ буддизмъ и христианство.

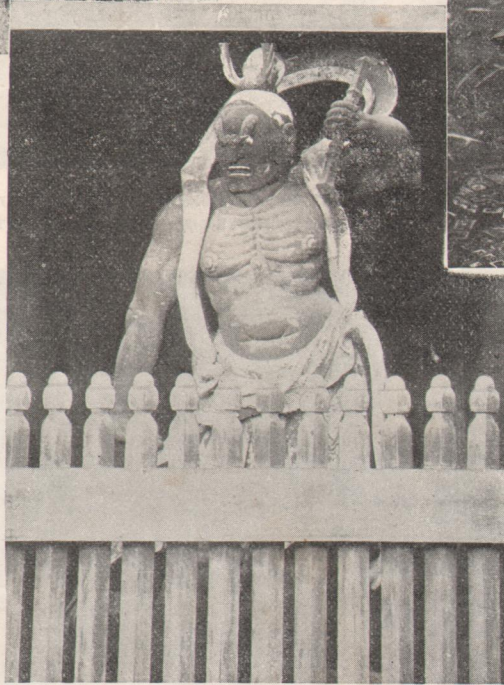
Шинто (или шинтоизмъ) считается государственною религіей Японіи. Эта религія ведетъ свое начало отъ глубокой древности и нѣсколько напоминаетъ собою культъ древнихъ римлянъ и грековъ, потому что олицетворяетъ въ видѣ боговъ всю природу и ея явленія—небо, воздухъ, солнце, море и пр. Въ одномъ изъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Нивѣ», мы имѣли уже случай говорить объ этихъ богахъ. Вспомнимъ теперь, что главный богъ, соотвѣствующій Зевсу, называется у японцевъ «Аменоминака-нуми-ноками», и что отъ него произошло еще 4 главныхъ бога, такъ что основаніе японскаго Олимпа—его ядро—составляютъ пять главнѣйшихъ небожителей. Отъ этихъ небожителей происходятъ другіе боги, которые, въ свою очередь, производятъ дальнѣйшее потомство: боговъ огня, вѣтра, растений и пр. Но это уже боги втораго ранга и считаются въ противовѣсъ небожителямъ земными богами.

Отъ небесныхъ боговъ произошелъ

и первый императоръ (микадо) Японіи, Жинму-Тенно; онъ получилъ на память отъ своихъ небесныхъ родителей три священныя предмета: зеркало, мечъ и драгоценный камень, ставшіе съ тѣхъ поръ священными наслѣственными регалиями японскаго императорскаго дома. Зеркало олицетворяетъ собою доброту,

Бонза въ облаченіи.

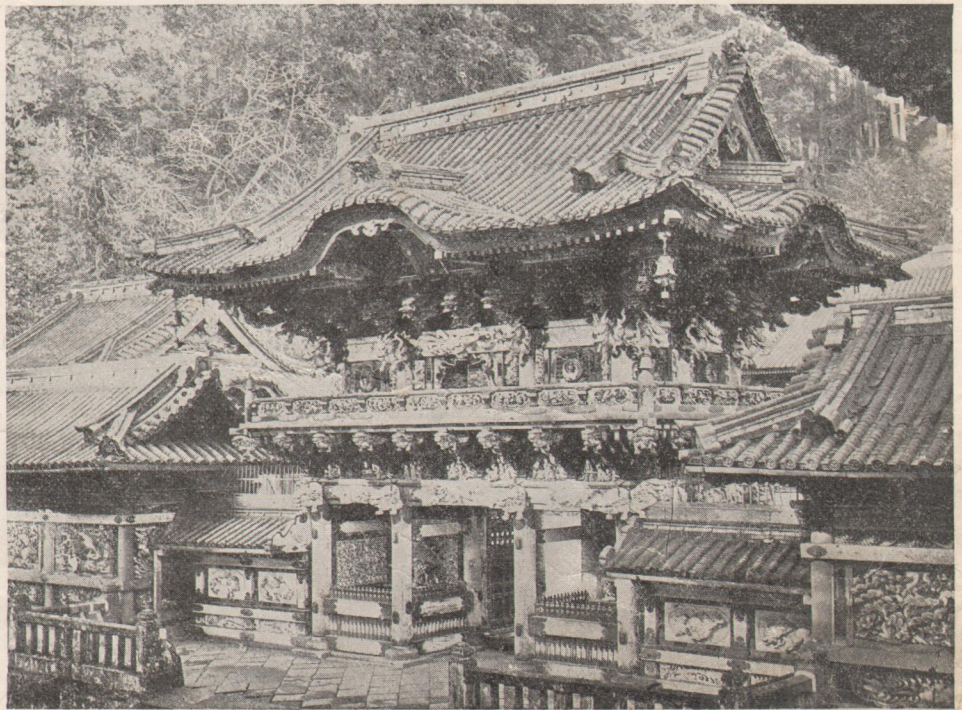

Богъ вѣтра.

мечъ—храбрость, а драгоценный камень—мудрость. Этими тремя добродѣтелями и долженъ отличаться японскій монархъ.

По ученію шинто, боги олицетворяютъ собою не только явленія природы, но и явленія духовной природы человѣка. Главное же божество—Аменоминака-нуми-ноками—символизируетъ, между прочимъ, и душу человѣка.

Душа этого божества, пылающая надъ міромъ, какъ громадный костеръ, безконечно добра; однако, ей свойственно и сознаніе зла. Хотя это божество и отделило отъ себя злое начало, т. е. злого духа, и даже заключило его въ

Главный входъ въ храмъ.

особую тюрьму въ долинь Иомотсу, чтобы помѣшать себѣ дѣлать зло, но, тѣмъ не менѣе, ему свойственны, по вѣрованію японцевъ, не только всѣ хорошіе инстинкты, но и всѣ дурныя качества, страсти и пороки. «Если бы этихъ страстей не было у бога, откуда взялись бы онѣ у существъ, имъ созданныхъ?» — разсуждаютъ философы страны Восходящаго Солнца.

Геній зла не упускаетъ случая подѣйствовать на душу людей и изъ своей тюрьмы въ долинь Иомотсу, то и дѣло посылаетъ на землю своихъ слугъ — дурные совѣты. Эти «дурные совѣты» дѣйствуютъ на человѣческую душу, какъ искра на зарядъ пушки... Од-

Наши офицеры среди китайскихъ монаховъ, во главѣ которыхъ старый лама.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

нако, душа, по мнѣнію шинтоистовъ, хотя и колеблется подъ вліяніемъ злого духа и его совѣтовъ, но въ концѣ концовъ, ея божественное начало побѣждаетъ, и она, какъ стрѣлка компаса, возвращается къ прежнему, правильному направленію.

Шинтоисты не признаютъ идоловъ и кумировъ, но питаютъ уваженіе къ вѣкотнымъ животнымъ (воронамъ, лисицамъ, обезьянамъ, черепахамъ), считая ихъ вѣстниками божьими. Древній культъ шинто выражался въ слѣдующихъ трехъ главнѣйшихъ обрядахъ: матцури, харан и инори. Обрядъ матцури совершался тремя празднествами, во время которыхъ происходили торжества,

Въ китайской кумирнѣ. На молитвѣ. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Въ китайской кумирнѣ. Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за похищеніе женщинъ. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

устраивались процессіи и приносились жертвы. Обрядъ харан служилъ для очищенія душъ отъ пятнъ злого генія, а инори—для призванія и привлеченія помощи боговъ.

Шинтоизмъ былъ единственной религіей Японіи въ теченіе 1.200 лѣтъ до появленія буддизма. Съ появленіемъ въ Японіи этого послѣдняго, началась борьба двухъ религій, продолжавшаяся болѣе 200 лѣтъ и окончившаяся довольно курьезнымъ компромиссомъ: буддйскіе бонзы убѣдились, что японцы слишкомъ преданы своей незамысловатой и не налагающей никакихъ трудныхъ обязанностей религіи и совершенно не желаютъ аскетической религіи буддизма, и захотѣли ихъ, что называется, обойти: они стали строить внутри дворовъ храмовъ Будды («Тера») шинтоистскіе храмы («Мія») и увѣряли народъ, что боги Шинто и Будда—одно и то же! Цѣль была достигнута, и буддизмъ, хотя и чисто механически, все-таки внѣдрился въ понятія и духовный обиходъ Японіи.

Въ теченіе многолѣтней исторіи японскаго государства шинтоизмъ то процвѣталъ, то падалъ. Были такіе годы, когда почти

Въ китайской кумирнѣ. Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за разбой. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

всѣ «Мія», вслѣдствіе междоусобицъ, уничтожались и гибли въ развалинахъ. Но въ концѣ концовъ, уже въ нашемъ вѣкѣ шинтоизмъ снова процвѣлъ: реставрація императорской власти въ 1868 году сдѣлала эту религію государственной, потому что, по ея ученію, императоръ является прямымъ потомкомъ боговъ неба и богини дня. Буддизмъ былъ разгромленъ, и бонзы изгнаны. Лѣтъ черезъ десять они, впрочемъ, снова появились, и буддизмъ опять возникъ въ Японіи «на прежнихъ основаніяхъ».

Буддизмъ—эта вторая религія въ Японіи—стала въ ней извѣстна въ VI вѣкѣ, будучи занесенъ изъ Кореи. Первая фигура Будды, отлитая изъ золота и бронзы (Сакія Муни), была прислана императору Кинъ-Мей въ 552 году съ объясненіемъ, что «эта трудная для пониманія религія дастъ вѣрующимъ безконечныя блага въ настоящей и будущей жизни». Статуя была передана нѣкому Сога-но-Инаме, который построилъ новому божеству первый храмъ.

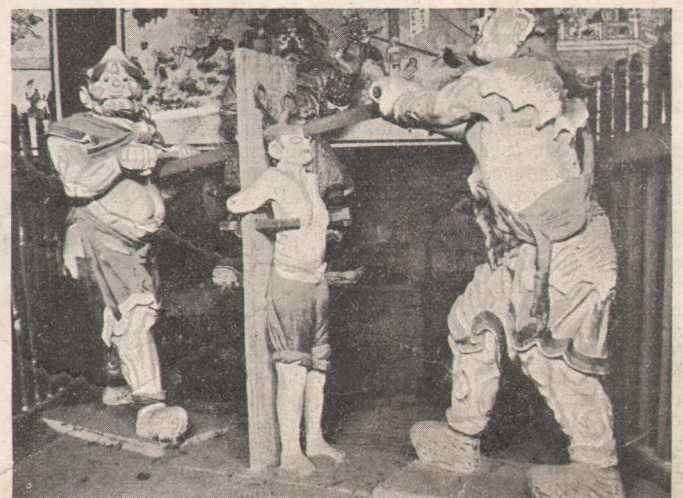
Но, несмотря на это, какъ мы уже знаемъ, буддизмъ плохо при-

вивался среди японцевъ и имѣлъ успѣхъ только въ высшихъ классахъ, и лишь признаніе боговъ шинто и постройка шинтоистскихъ храмовъ во дворахъ буддйскихъ молельнъ способствовало болѣе прочному укорененію ученія Будды въ японскомъ народѣ. Своего апогея буддизмъ достигъ въ 1073—1086 годахъ, при императорѣ Широкава, который былъ усерднымъ почитателемъ Будды и воздвигъ много статуй и изображеній его. Затѣмъ началось паденіе буддизма и раздѣленіе его на нѣсколько различныхъ сектъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли въ послѣдствіи успѣхъ, и ученіе буддизма стало снова расцвѣтать въ Японіи, пока не столкнулось въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія съ шинтоизмомъ, о чемъ мы уже говорили. Въ настоящее время въ Японіи насчитывается около 70.000 бонзъ и 750 буддйскихъ монаховъ—истинное перепроизводство буддизма, такъ какъ духовныхъ требованій на него со стороны народа, собственно говоря, предъявляется очень мало. Ученію Будды въ Японіи слѣдуютъ лишь небольшая часть дамъ высшаго круга, немногіе кушчи и крестьяне. Однимъ словомъ, священниковъ больше, чѣмъ прихожанъ.

Въ китайской кумирнѣ. Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за поджогъ. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Христіанство въ Японіи дѣлаетъ довольно крупныя успѣхи, и отнюдь не слѣдуетъ думать, что оно появилось тамъ лишь въ послѣднее время: ученіе Христа впервые было занесено въ Японію нѣкимъ Францискомъ Ксавье еще въ 1549 году. Успѣху христіанства сильно способствовало покровительство императора Оданабунага, такъ что христіанство даже вступило въ побѣдную борьбу съ буддизмомъ и шинто, и въ 1605 году, по свидѣтельству хроника монашья Франца Марнасъ, въ Японіи уже насчитывалось около 180.000 послѣдователей Христа. Болѣе чѣмъ теперь. Но съ 1612 года началось преслѣдованіе: миссіонеры христіанства были изгнаны, и число христіанъ стало быстро таять. Послѣдніе японскіе христіане того времени погибли при чрезвычайно трагическихъ обстоятельствахъ. Когда ихъ оставалось уже не болѣе 4.000 человекъ (считая женщинъ и дѣтей), они были однажды окружены огромною арміею одного шогуна въ замкѣ Хара и послѣ пятимѣсячной осады умерли голодной смертію.

Въ китайской кумирнѣ. Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за неуваженіе къ родителямъ. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Китайскій судъ въ Мукденѣ. По фот. авт. «Нивы».

Съ той поры христіанство въ Японіи исчезло и вновь воскресло лишь съ 1862 года, когда въ Японію опять явились французскіе миссіонеры, воздвигнувшіе тамъ первую католическую церковь. Въ настоящее время всѣхъ христіанъ-японцевъ насчитывается до 132.000 (60.000 католиковъ, 45.000 протестантовъ и 27.000 православныхъ). О дѣятельности русскаго миссіонера въ Японіи, преосвященнаго Николая, намъ уже приходилось не разъ говорить на страницахъ нашего журнала.

Слѣдуетъ замѣтить, что большинство японцевъ считаетъ и христіанство, и буддизмъ не религіями, а лишь отвлеченными философскими теоріями, изученіе которыхъ «полезно для ума». Ни шинто, ни буддизмъ, ни христіанство не господствуютъ въ сердцахъ народа, и недаромъ японцы почти всѣ свои бесѣды о религіозныхъ вопросахъ кончаютъ восклицаніемъ: «Современной и возрожденной Японіи нужна совершенно новая религія, которая была бы способна идти рука объ руку съ прогрессомъ культуры и цивилизаціи». Изъ этихъ словъ ясно видно, что японцы органически, вообще, не способны къ религіозному чувству, потому что изъ всѣхъ религій именно христіанство наиболее способно идти рука объ руку съ истиннымъ прогрессомъ культуры и цивилизаціи, если только «культуру и цивилизацію» не понимать въ узкомъ смыслѣ усовершенствованныхъ путей сообщенія, пушекъ и скорострѣльныхъ винтовокъ.

Что касается религіозныхъ вѣрованій Китая, то и въ этомъ государствѣ индиферентизмъ народа къ вопросамъ вѣры и практическая складка его ума создали такую же религіозную пустоту, какъ и въ Японіи, и такое же обиліе религій, безъ проникновенія ихъ въ душу народа.

Въ Китаѣ встрѣчаются буддизмъ (вѣрнѣе, секта его: —ламаизмъ), даосизмъ, конфуціанство, магометанство и христіанство.

Наиболѣе типичною для Китая религіей является конфуціанство, распространенное въ простомъ народѣ и основанное, какъ извѣстно, философомъ Кунъ-фу-цзы, родившимся въ 551 г. до Р. Х. Конфуціане вѣрятъ въ загробную жизнь и въ существованіе духовъ, но, сама по себѣ, религія ихъ состоитъ, преимущественно, въ сильно развитомъ культѣ предковъ и въ значительномъ числѣ всевозможныхъ обрядовъ этого культа. Къ обрядамъ этимъ, напримѣръ, относятся: храненіе и почитаніе дощечекъ или табличекъ съ именами покойныхъ родителей и предковъ, возжиганіе предъ ними свѣчъ, доклады имъ о важнѣйшихъ событіяхъ въ семьѣ и пр., къ такимъ же обрядамъ относится и тщательное ухаживаніе за покойниками, одѣваніе ихъ, кормленіе и всевозможныя жертвоприношенія.

Загробную жизнь конфуціане представляютъ, конечно, очень примитивно, въ грубо-реальныхъ формахъ: праведники пользуются благами земной жизни, а грѣшники предаются мученіямъ. Мучать ихъ особые духи, а каковы, именно, эти муче-

нія, это видно по тѣмъ изображеніямъ, которыя встрѣчаются въ китайскихъ кумирняхъ; нужно сказать, что насчетъ всевозможныхъ мучительствъ фантазія китайцевъ положительно неистощима. Грѣшники подвергаются распилю, привязыванію къ раскаленной трубѣ, къ раздавленію, къ всевозможнымъ колодкамъ и т. д., какъ это изображено на стр. 115.

Приблизительно такіе же представленія о «томъ свѣтѣ» имѣютъ и ламансты, огромное большинство которыхъ не имѣетъ никакого понятія объ истинной духовной сути своего вѣроученія. Ламансты строятъ прекрасныя кумирни и монастыри, украшаютъ ихъ великолѣпными статуями Будды, жгутъ предъ ними свѣчи, бьютъ въ барабаны и гонги, но смыслъ религіи остается для ея послѣдователей темнымъ, потому что ламанизмъ требуетъ отъ своихъ правоверныхъ, главнымъ образомъ, соблюденія формы. Извѣстно, напримѣръ, что у нихъ существуютъ «молитвенные барабаны» для механическихъ молитвъ. Къ слову сказать, для ламанстовъ-мирянъ даже необязательно посѣщеніе храмовъ и совершеніе обрядовъ. Эта обязанность лежитъ лишь на монахахъ и, вообще, духовныхъ лицахъ.

Ламанизмъ исповѣдуется въ Китаѣ обывателями Тибета, Тангута и всей Монголіи. Основателемъ ламанизма является Цзонгава, жившій въ XV столѣтіи.

Магометанство исповѣдуютъ лишь нѣкоторыя монгольскія племена въ Китаѣ; христіанъ-китайцевъ довольно мало, и господствующей религіей, все-таки, является конфуціанство.

Китайскій фокусникъ.

Правительственный кризисъ во Франціи и Англии.

(Политическое обозрѣніе).

Послѣ упорной войны съ общественнымъ недоверіемъ, вызваннымъ отчасти излишними крайностями его радикализма, главнымъ же образомъ испугавшими Францію разоблаченіями о широкомъ примѣненіи шпіонства въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ, кабинетъ Комба, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ отказаться отъ власти и передать кормило правленія въ руки менѣе скомпрометированнаго товарища по кабинету. Эта перемѣна имѣетъ несравненно болѣе моральное, чѣмъ политическое значеніе. Власть надъ страной остается все у тѣхъ же политическихъ партій, она только передана другимъ представителямъ послѣднихъ. Въ сущности произошло лишь частичное обновленіе персонала, но не измѣненіе программы правительства, но перемѣна направленія его дѣятельности. Нынѣшній министр-президентъ завѣдывалъ портфелемъ финансовъ въ кабинетѣ своего предшественника, многие изъ членовъ послѣдняго сохранили свои портфели подъ предѣлительствомъ Рувье, притомъ не только такіе крупные политическіе дѣятели, какъ руководитель внѣшней политики французской республики, Делькасса, но даже и такіе любимцы фортуны, какъ бывший биржевой маклеръ Берго, неожиданно для себя дебютировавшій въ роли военного министра.

Программная декларация новаго кабинета и рѣчь его президента Рувье посвящена главнымъ образомъ все тому же вопросу о шпіонствѣ и доносахъ, но разрѣшаетъ его въ смыслѣ прямо противоположномъ тѣмъ рѣчамъ, которыя до сихъ поръ раздавались съ министерской трибуны. Въ декларациі, прочитанной въ парламентѣ 14-го января, новое правительство выражаетъ глубокое сожалѣніе о мѣрахъ, осужденныхъ палатой (т. е. объ организациіи масонскаго шпіоната) и осуждаетъ ихъ съ своей стороны самымъ твердымъ образомъ. Правительство, по его словамъ, твердо рѣшило искать необходимыхъ для управленія средствъ исключительно у законныхъ и постоянныхъ органовъ администраціи, не прибѣгая ни къ какой новой организациіи внѣ существующихъ учреждений.

Въ своей первой рѣчи къ палатѣ новый министр-президентъ заявилъ, что, опираясь на большинство лѣвой, онъ не отказывается отъ мысли о введеніи подоходнаго налога и намѣренъ добиваться отдѣленія церкви отъ государства, однакоже «отнюдь не нарушая принципа свободы совѣсти».

Коснувшись *доносовъ*, Рувье осудилъ факты, которые взволновали всю Францію, и просилъ у палаты нравственной амнистии въ интересахъ страны, взаимно чего обѣщали не прибѣгать ни къ собранію секретныхъ свѣдѣній, ни къ услугамъ доносчиковъ.

Судьба павшаго французскаго кабинета постигнетъ, видимо, и англійскій кабинетъ Бальфура. Внутренняя жизнь Великобританіи за время парламентскихъ каникулъ ознаменовалась серією частныхъ выборовъ въ палату общинъ, очень неблагоприятныхъ для правительственной партіи и указавшихъ на быстрый численный ростъ оппозиціи въ странѣ. По священнымъ обычаямъ, имѣющимъ въ Англии силу неписаннаго закона, быстрый ростъ оппозиціонныхъ голосовъ указываетъ на непрочность нынѣшняго министерства, хотя не даетъ права ожидать распушенія парламента и назначенія новыхъ общихъ выборовъ. Всего лучше формулировалъ настоящее положеніе министерства органъ либеральной партіи «Daily News» въ одной фразѣ: «Собравшемуся парламенту надлежитъ исполнить единственную обязанность—разойтись». На это консервативный «Times» возразилъ, что даже предвидѣніе скорой смерти не оправдываетъ самоубійства.

Лордъ Спенсеръ, котораго прочтѣ въ премьеры предполагаемаго либеральнаго кабинета, опубликовалъ слѣдующій манифестъ либеральной партіи: «Безусловное отклоненіе системы таможеннаго покровительства и реторсіонныхъ пошлинъ, а также всякихъ ввозныхъ пошлинъ, налагаемыхъ съ иными цѣлями, кромѣ фискальныхъ. Полный общественный контроль надъ школами, содержимыми на общественныя средства, и отмена всякихъ вѣроисповѣднихъ критеріевъ для учителей. Ограниченіе «пріобрѣтенныхъ интересовъ» (въ видѣ

частныхъ монополій по питейной торговлѣ). Общая реформа обложения земель и зданій. Расширеніе принципа третейскаго разбирательства споровъ и выработка способовъ для «уменьшенія шансовъ войны». Самое широкое представительное правленіе и ответственное правительство въ колоніяхъ. Исполненіе всѣхъ финансовыхъ обязательствъ, взятыхъ на себя англичанами относительно колоній и ихъ гражданъ въ концѣ войны съ бурами. Прекращеніе ввоза законтрактованныхъ китайскихъ кули. Расширеніе полномочій органовъ мѣстнаго самоуправленія. Распространеніе на Ирландію «въ надлежащій моментъ» принципа самоуправления. Возстановленіе права рабочихъ на стачки и безопасности трэд-юнионистскихъ фондовъ. Расширеніе закона о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья. *Бережливость* въ государственныхъ расходахъ». При этомъ особенно имѣются въ виду военные расходы.

Благодаря миролюбію либеральной программы, возможная въ будущемъ перемѣна кабинета въ Англии имѣла бы не только мѣстное, но и мировое значеніе. Особенно важна она для насъ. Она сулитъ въ ближайшемъ будущемъ нѣкоторое смягченіе традиціонной вражды англійской дипломатіи къ Россіи. Само консервативное правительство

Бальфура признало, что въ своихъ завоевательныхъ поползновеніяхъ въ Средней Азійи оно зашло слишкомъ далеко и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія было вынуждено отказаться отъ утвержденія тибетскаго договора, ловко взваливъ всю вину и ответственность на увлекшагося до забвенія инструкцій полковника Юнгхезбанда. Переходъ власти къ либераламъ угрожалъ бы и прочности англо-японскаго союза. Японофилы заблаговременно требуютъ отъ нихъ общаго въ вѣрности договору, но либералы молчатъ, а либеральная печать въ лицѣ «Westminster Gazette», гарантируя соблюденіе договора, пока длится война, заранѣе отказывается отъ расширенія его и возобновленія на новый срокъ. По словамъ газеты, либералы вовсе не «желаютъ видѣть Англию въ вѣчномъ союзѣ съ Японіей противъ Россіи». Несомнѣнное миролюбіе короля, сказавшее уже и въ мирной развязкѣ гудльскаго инцидента, поможетъ имъ направить политику Британіи на новый курсъ.

Новыя вѣянія въ законодательствѣ о печати.

Коренныя преобразованія, возмѣщенныя въ ближайшемъ будущемъ для обновленія нашего отечества, захватываютъ собою и обширную область русскаго печатнаго слова.

Русская пресса находится наканунѣ крупныхъ реформъ; часть ихъ уже проведена въ жизнь, а проведеніе остальныхъ, наиболѣе существенныхъ преобразованій намѣчено къ выполненію, и уже опредѣлился составъ тѣхъ дѣятелей, на долю которыхъ выпадаетъ почетный и ответственный трудъ надъ разработкой реформы, смыслъ и суть которой коренится въ освобожденіи русскаго печатнаго слова отъ различныхъ узъ и стѣсненій.

Предстоящая реформа въ дѣлѣ печати является выполненіемъ одного изъ предначертаній, установленныхъ знаменательнымъ Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904 г. Пунктъ 8 указа посвященъ, имено, печати и гласитъ, какъ известно, слѣдующее:

«Устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій въ пользу Россіи».

Какъ мы уже знаемъ, разработка вопроса о печати, равно какъ и разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь иныхъ, предусмотрѣнныхъ указомъ, новыхъ началъ и преобразованій, были переданы въ комитетъ министровъ. Вопросъ о печати разсматривался въ комитетѣ 28-го и 31-го декабря 1904 г., а 26-го января этого года былъ опубликованъ журналъ этихъ двухъ засѣданій. Изъ него мы узнаемъ обо всемъ томъ, что предпринято комитетомъ для облегченія положенія печати.

«Журналъ» распадается на двѣ части. Въ первой изъ нихъ установленъ фактъ тяжелаго современнаго положенія печати, и положеніе это подвергнуто безпощадной и справедливой критикѣ. Комитетъ, между прочимъ, призналъ, что «совокупность дѣйствующихъ нынѣ законовъ создала для русской печати тяжелыя условія,

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ († 4-го февраля въ Москвѣ).

Буассона и Эглерь, Петербург.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

По фот. Буассона и Эглерь, авт. «Нивы».

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми. По фот. Буассона и Эглеръ, авт. «Нивы».

отражающіяся весьма невыгоднымъ образомъ на развитіи русской научной мысли», и что «невозможность предусмотрѣть заранее, какъ отнесется административная власть къ выражаемымъ въ современной печати мыслямъ, является существеннымъ препятствиемъ для правильного развитія печати».

Установивъ, такимъ образомъ, нежелательность и тягость современнаго положенія печати, комитетъ министровъ не остановился на одномъ этомъ признаніи, но создалъ много новыхъ нормъ: и во второй своей части упоминаемый нами журналъ комитета министровъ содержитъ цѣлый рядъ постановленій и мѣропріятій, выработанныхъ комитетомъ для освобожденія печати отъ тѣхъ ненормальныхъ условий, въ которыхъ она до сихъ поръ пребывала.

Нѣкоторые облегченія комитетъ призналъ возможнымъ ввести теперь же своею властью. Другія же, предусмотрѣнныя имъ, реформы явятся впоследствии, когда будутъ пересмотрѣны нѣкоторые законоположенія старыя и будутъ выработаны особымъ порядкомъ новыя. Въ частности, постановленія, выработанныя комитетомъ, сводятся къ слѣдующимъ шести пунктамъ:

1) Для пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати постановленій и для составленія проекта новаго по этому предмету устава, комитетъ призналъ необходимымъ учредить особое совѣщаніе изъ особо назначенныхъ свѣдущихъ лицъ съ предоставленіемъ предсѣдателю совѣщанія: а) права пригласить въ засѣданія его лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій, въ томъ числѣ дѣятелей провинціальной печати, и б) внести безъ замедленія выработанный совѣщаніемъ проектъ непосредственно, безъ сношеній съ вѣдомствами, въ государственный совѣтъ.

2) Комитетъ постановилъ отмѣнить предоставленное министру внутреннихъ дѣлъ право прекращать помѣщеніе въ современныхъ изданіяхъ объявленій, а также постановилъ отмѣнить то постановленіе комитета министровъ, по которому изданія, освобожденные отъ предварительной цензуры, должны быть до представленія въ цензурный комитетъ полностью отпечатаны, и шрифтъ ихъ разбранъ. Затѣмъ комитетъ министровъ призналъ необходимымъ установить ранѣе дѣйствовавшее правило о порядкѣ перехода изданій отъ одного лица къ другому (ст. 122 уст. ценз. изд. 1890 г.).

3) Комитетъ министровъ разъяснилъ, что въ случаѣ воспрещенія розничной продажи какаго-либо изъ поврежденныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, такое распоряженіе касается лишь продажи его въ разность и, вообще, на улицахъ, площадяхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, кромѣ книжныхъ лавокъ и кабинетовъ для чтенія. Разъяснено также и право министра внутреннихъ дѣлъ требовать сообщенія фамилій авторовъ, помѣщенныхъ въ томъ или другомъ изданіи статей: требованія такія могутъ быть предъявлены лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагается возбудить противъ автора статьи уголовное преслѣдованіе, или же «когда министръ признаетъ сіе необходимымъ по соображеніямъ государственной безопасности».

4) Комитетъ постановилъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на установленіе правила, чтобы представляемая въ комитетъ министровъ для запрещенія книги, признаваемая политически-вредными, предварительно рассмотрѣна ихъ комитетомъ, препровождалась имъ для отзыва въ академію наукъ или иныя ученые коллегіи.

5) Постановлено предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по согласованію въ подлежащихъ случаяхъ съ министромъ юстиціи пересмотрѣть цѣлый рядъ различныхъ постановленій (о временныхъ правилахъ по цензурѣ, о воспрещеніи редакторамъ и сотрудникамъ приостановленнаго журнала выдавать подписчикамъ на время приостановки отдѣльныя изданія, и пр.) и предположенія свои внести, безъ дальнѣйшихъ съ прочими вѣдомствами сношеній,

на уваженіе государственнаго совѣта, для безотлагательнаго рассмотрѣнія.

6) Постановлено поручить министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, — по предварительномъ сношеніи съ кievскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ, академіей наукъ и университетами — кievскимъ и харьковскимъ — пересмотрѣть Высочайшія повелѣнія объ ограниченіи книгъ на малорусскомъ нарѣчій и свои заключенія внести на рассмотрѣніе комитета министровъ.

Такое положеніе комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія 21-го января 1905 года.

Комитетъ министровъ, такимъ образомъ, исполнилъ возложенную на него работу: кромѣ нѣкоторыхъ частичныхъ мѣропріятій по дѣламъ печати, онъ установилъ и самый способъ проведенія новыхъ преобразованій въ жизни: онъ заявилъ о необходимости созыва особой комиссіи изъ специалистовъ и свѣдущихъ людей для дальнѣйшей разработки и проведенія въ жизнь новыхъ законовъ о печати. Отъ этой комиссіи или, какъ официально названо — «Особаго совѣщанія для пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати постановленій», — зависитъ теперь вся дальнѣйшая судьба печати.

Комиссія возникла, и составъ ея опредѣлился уже въ концѣ января текущаго года. Официальное сообщеніе объ ея учрежденіи гласитъ слѣдующее:

«Государь Императоръ, 23-го января 1905 года Всемилостивѣйше соизволилъ назначить членами Высочайше учрежденнаго, согласно положенію комитета министровъ, особаго совѣщанія для пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати постановленій и для составленія проекта новаго по сему предмету устава, сенаторовъ, тайныхъ совѣтниковъ: Боровиковскаго, Случевского и Звѣрева, товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Лупьянова, вице-президента Императорскаго академіи наукъ, ординарнаго академика, тайнаго совѣтника Никитина, ординарнаго академика, тайнаго совѣтника Ключевского, почетныхъ академикомъ по разряду изящной словесности: сенатора, тайнаго совѣтника Кони, гофмейстера графа Голенищевска-Кутузова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Арсеньева; редактора-издателя журнала «Вѣстникъ Европы», дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасюлевича, редактора-издателя газеты-журнала «Гражданинъ», въ званіи камергера, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Мещерскаго, редактора газеты «Кievлянинъ», профессора Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пихно и издателя газеты «Новое Время», губернскаго секретаря Суворина.

Въ составъ совѣщанія, такимъ образомъ, вошли извѣстные дѣятели печати, хорошо знакомые съ условіями литературнаго труда, а руководительство совѣщаніемъ возложено на опытнаго и заслуженнаго дѣятеля Д. О. Кобеко, удостоеннаго Высочайшаго рескрипта, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

«Предоставляю вамъ по дѣламъ совѣщанія въ случаяхъ, когда вы признаете это нужнымъ, войти ко Мнѣ непосредственно съ докладами и снабжая васъ широкими полномочіями по приглашенію въ засѣданія совѣщанія лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ о положеніи русскаго печатнаго слова свѣдѣній, Я ожидаю отъ несомнѣнной вашей опытности въ дѣлахъ государственныхъ, отъ безпристрастія вашего и преданности дѣлу истиннаго просвѣщенія, возможно скорого и успѣшнаго приведенія къ окончанію занятой совѣщанія въ возлагаемой Мною на оное отвѣтственной задачѣ».

Русская печать стоитъ теперь на границѣ крупныхъ событій. Сквозь туманъ грядущаго вырисовываются для нея новыя прекрасныя перспективы и, быть-можетъ, уже близко время, когда обновленное и освобожденное отъ связывавшихъ его путъ административнаго и цензурнаго гнета, русское слово станетъ истиннымъ и честнымъ выразителемъ русской общественной мысли. Вотъ почему важно не вливать вина новаго въ обветшавшіе мѣха старыя.

Директоръ Императорской публичной библиотеки Д. О. Кобеко, Высочайше назначенный предсѣдателемъ особаго совѣщанія для пересмотра дѣйствующихъ о цензурѣ и печати постановленій и для составленія проекта новаго устава.

Контръ-адмиралъ Н. И. Небозатовъ, командиръ 3-й тихоокеанской эскадры, отплывшей изъ Ливавы 2-го февраля с. г. на Дальній Востокъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — Земныя дороги. Стихъ Д. Ратгаузъ. — Сила. Разсказъ С. Аделунгъ. — Стихотворенія Н. Рябова. — Религіозная вѣрованія японцевъ и китайцевъ. — Правительственный кризисъ во Франціи и Англии. (Политическое обозрѣніе). — Новая вѣянія въ законодательствѣ о печати. — Объявленія.

Р И С У Н К И: Новобранецъ — Урокъ. — Въ царствѣ полярной ночи. — Въ ожиданіи окладчиковъ. — Дворянскій передовой госпиталь (изъ Москвы) въ Тавагоузѣ. — Матросы — георгиевскіе кавалеры съ крестовъ «Громобоя» и «Россія», — въ эстляндскомъ отрядѣ Краснаго Креста въ день празднованія св. Георгія 26-го ноября п. г. — Добровольный отрядъ сестеръ милосердія Надеждинской тифлисской общины, отправившіяся на Дальній Востокъ. — Лазаретъ Императрицы Александры Феодоровны въ Мукденѣ. — Георгиевскіе кавалеры «батареицы» (какъ зовутъ артиллеристовъ наши солдаты) 4-й батареи 3-й вост.-сиб. стрѣлк. артиллерійской бригады. — Группа нашихъ раненыхъ военнопленныхъ въ г. Стимеди (Японія), изучающихъ англійскій языкъ подъ руководствомъ военнаго переводчика Исао Окура. — Входъ въ храмъ Будды. — Бонза въ облаченіи. — Богъ вѣтра. — Главный входъ въ храмъ. — Наши офицеры среди китайскихъ монаховъ, во главѣ которыхъ старый лама. — Въ китайской кумирнѣ. 1) На молитвѣ. 2) Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за похищенія женщинъ. 3) Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за поджогъ. 4) Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за разбой. 5) Изображенія загробныхъ мученій грѣшниковъ за неуваженіе къ родителямъ. — Китайскій судъ. — Китайскій фокусникъ. — Его Императорское Высочество Великій Князь Сергей Александровичъ. — Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. — Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми. — Д. О. Кобеко. — Контръ-адмиралъ Н. И. Небозатовъ.

Нъ этому № прилагается: «Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина» книга 2.

За издателя Л. Ф. Маркъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.